

Звезды у миров общие

Шмигалеv Н.

Николай Шмигалев

Звезды у миров общие

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Шмигалев Н. Н.

Звезды у миров общие / Н. Н. Шмигалев — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Кто из девчонок не мечтал стать принцессой, да ещё такой, которой бы пели серенады герцоги, веселили шуты, отважные рыцари посвящали свои подвиги, а прекрасные принцы падали штабелями у их ног. Аниматор Маринка не мечтала. Хотя сыграть красивую принцессу Фиону, а не ту что в облике огра, она хотела. Видимо, это и сыграло с ней злую шутку. В общем, Марина оказалась в ненужное время, в ненужном месте, да ещё и в чужом теле. В каком? Естественно, в теле принцессы. Кто же будет самую сильную ведьму королевства из-за какой-нибудь простолюдинки напрягать! В общем, попала девчонка и разгребать ей придется за двоих, за себя и за леди Марэну.

© Шмигалев Н. Н., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Часть 1. Леди «огр» в дырявых джинсах.

– Ты что там заснула, старуха?! – грозно рявкнул Рогбир, оторвавшись от бурдюка с вином и в очередной раз обвел брезгливым взглядом убогое жилище знахарки. – Два часа к ряду бормотала свои бесовские заклятия и вдруг, на тебе, заткнулась. Часом не померла там? Эй, слышишь меня, старая ведьма?!

– Умерь свой вахлацкий пыл, Рог, иначе выпровожу наружу, – раздался скрипучий старческий голос из-за ширмы, отгородившей угол сруба. – В моем ремесле важны терпение, покой и безмолвие. Мне нужна мертвая тишина!

– Если до рассвета ты не исполнишь волю моего господина, клянусь богами, ты упокоишься навеки, – не унимался Рогбир, угрюмо оглядывая занавесь, на которой в колышущемся свете свечи подрагивала тень горбуны с всклокоченными волосами. – Я лишу тебя головы!

– Еще одно слово и я наложу на тебя печать немтыря, и твой грязный язык отсохнет водерень, – сердито воскликнула старуха, и Рогбиру показалось, что даже через занавеску он встретился с её пронизывающим ведьмовским взглядом.

– В самом деле, Рогги, уймись, не мешай мудрой Гонзанне кудесить.

Кряжистый коротышка, сидевший около очага со скрещенными на сарацинский манер ногами, попытался усмирить перебравшего товарища.

– Брысь, отсюда Игрень! – раздался голос Гонзанны. – Иди, за гостями присмотри, пока чего не стянули! С них станется!

Рогбир и карлик возмущенно переглянулись, усмотрев явную иронию в словах старухи, но вслух высказывать протест не решились.

Из-под занавеси, неспешно, с задетым чувством собственного достоинства, выбрался котяра, по окрасу совершенно не подходивший окружающему антуражу. Ведьминому коту, прозябавшему на болотах, положено было быть черным как смоль, исполненным мистической загадочности, навевая одним своим видом минорные мысли о бренности всего сущего. Этот же обитатель дома на болотах был светло-рыжим, лощеным и вместе с тем простым как дворовая псина.

Кот подошел к сидевшему карлику и потерся о его колено. Первым желанием коротышки было отшвырнуть кота куда подальше, в окно, например, но он лишь ласково погладил пушистого рыжего демоненка. Карлик был в таком нервном состоянии, что если бы о его колено вместо кота потерлась какая-нибудь склизкая жаба с петушиным хвостом, он бы и её погладил. Коротышка считал, что с ведьмовскими питомцами лучше не ссорится, тем более на их территории.

Поглаживая кота, карлик понизил голос и сделал другу внушение:

– Лучше её не злить, старина. Иначе она не посмотрит и на то, что ты наакался как свинья и к тому же являешься доверенным лицом короля. Наведет такую сглаз-порчу, будешь потом всю ночь в кустах тужиться, одной рукой москитов, другой – кикимор отгонять. Поверь, Рогги, я знаю, о чем говорю. Такого о колдуньях и ведьмаках наслышался, поседеть в пору, – провел он рукой по своим черным как смоль волосам, – Садись, садись, дружище.

Рыжий крысолов, словно выражая согласие с карликом, с немым укором поглядел на стоявшего посреди избы человека и отправился по своим кошачьим делам, бесстрашно выскользнув за неплотно прикрытую дверь в чавкающую мглу болота.

Несмотря на количество и крепость выпитого, Рогбир послушно опустил на кругляш чурбака и немигающим взглядом уставился на танцевавшие в очаге языки пламени. Верный пес короля Арлинга Великодушного, «дикий рыцарь», он вовсе не желал ссориться с изощренной в колдовских делах старой знахаркой, выполнявшей кое-какие указания короля. Просто нервы вызвали.

Еще бы им не взыграть.

Бесстрашный в бою, сэра Рогбир, старался за десять верст обходить стороной гиблые места, предвзято относился к всякого рода «слугам дьявола» и их чародейскому ремеслу, и совсем уж мало радости ему доставляло выполнение сомнительных поручений короля. А в этот злополучный раз, все три напасти сошлись в единое – убитый горем король Арлинг, послал его на ночь глядя на Проклятое Болото, к бесовской ворожее с весьма щекотливым поручением, – ну как тут не перебрать со старым добрым алахетским вином.

Благо, что балагур Эйсфо, и по совместительству близкий друг и вечный спутник похождения Рогбира, как всегда вызвался сопровождать своего боевого товарища. Присутствие корытши, хоть как-то скрашивало мрачный интерьер ведьмовского пристанища.

В отличие от Рогбира, семифутового широкоплечего и в целом доброго молодца, некогда искусного кузнеца, еще в пору юности одним ударом кулака валившего с копыт племенных быков, Эйсфо был самым что ни на есть доподлинным карликом и едва дотягивал своему другу до пояса. Однако, несмотря на невеликий рост, он был отличным воином и не раз доказывал свое превосходство над теми глупцами, кто сомневался в его способностях и пытался посмеяться над его небольшой высотой. Два длинных обоюдоострых ножа, до поры до времени покоившиеся в ножнах, чьи отполированные рукоятки в настоящее время торчали из-за плеч Эйсфо, в свое время попробовали «на вкус» много чужой дурной кровушки.

Помимо походов и битв Эйсфо, любил крепкий эль, терпкое вино, скабрзные баллады и девиц с, как говорится, пониженной социальной ответственностью (к возрасту и внешности женского пола у него особых требований не было). И если бы не его страсть к приключениям, как он сам говаривал, то карлик давно стал бы шутом или менестрелем при дворе какого-нибудь знатного господина, где всегда хватало и вина, и девиц, и сплетен. Еще он утверждал, что является прямым потомком таинственных горных гномов, поэтому за милую душу, где припрятано золотишко и драгоценные камни. Несмотря на эту сомнительную особенность, непутевый Эйсфо всегда был на мели и зачастую столовался у закадычного друга Рогбира, что, впрочем, не мешало ему при необходимости всегда отыскать в карманах пару серебряных монет на подарки знакомым девицам.

То ли дело прагматичный и толковый сэра Рогбир. В юности он был старательным учеником кузнеца, что сулило ему в будущем стать одним из лучших мастеров в самом востребованном ремесле, и если бы не случайная и судьбоносная встреча с королем, перевернувшая его дальнейшую жизнь, то, наверное, сейчас бы возможно он уже был бы почтенным отцом семейства, со своими слугами и работниками. Иногда, в моменты душевного раздора, Рогбир ловил себя на шальной мысли, что может и зря там, на водопаде, около мельницы, спас королю жизнь. Прошел бы мимо, сделал вид, что не заметил барахтавшегося на стремнине человека, глядишь, может и не пришлось бы после этого принять «высочайшее благоволение» и стать оруженосцем, а чуть позднее и «диким рыцарем» короля Арлинга Великодушного. И не нянчиться с августейшим патроном впоследствии. Конечно, в глубине души он понимал, что по-другому в тот день поступить не мог, и даже если бы догадывался, что за «честь» его ждет, то все равно поступил бы также.

Да, чего уж там, в глубине души, где-то очень глубоко, Рогбир любил короля, и готов был за него и в огонь и в воду, а то, что предательские мысли такие возникали, так это дело житейское. Иной раз, согласитесь, и любимое чадо хочется розгами приласкать.

К сожалению, у Рогбира своих детей не было, в виду отсутствия второй половины, а единственную дочь короля, принцессу Марэну, он, честно говоря, недолюбливал примерно с такой же силой, с какой уважал её отца. И это чувство нелюбви друг к другу было у них взаимным. Уж слишком гордым и честолюбивым был Рогбир. Уж слишком спесива и чопорна была леди Марэна, которая с окружающими её людьми вела себя не свойственно леди, проще говоря – по-хамски. Даже с благородными господами, которые к тому же были много старше её, прин-

цесса позволяла себе неучтивые выходки. Чего говорить об её отношении к таким безродным «дикарям» как Рогбир. Поэтому, когда сегодня утром няньки обнаружили её в постели без чувств, практически бездыханной, в Рогбуре боролись два противоречивых чувства – холодное злорадство и искреннее беспокойство за душевное состояние короля.

Арлинг Великодушный в дочери души не чаял, посему чуть с ума не сошел, когда ему придворные, набравшись храбрости, донесли худую весть. Если бы Рогбир не заступился, король в горестном порыве всех нянек головы лишил бы прямо у кровати дочери.

Даже продвинутый для того времени королевский лекарь Ордивию, человек усердный и башковитый, и тот расписался в собственном бессилии перед свалившейся бедой.

Видя, что Арлинг Великодушный, готов запятнать свое достойное прозвище кровью невинных, Рогбир не выдержал и шепнул королю, дескать, что возможно все не так плохо и кто-нибудь из отшельных кудесников сможет справиться с «хворью» принцессы.

Шепнул и... пожалел.

Король ухватился за спасительную «соломинку» и отрядил инициировавшего начинание Рогбира обстригать это деликатное дело. Как тот не отнекивался, как не отговаривался, прavitель был неумолим. Как говорится – инициатива инициатора губит.

– Ты, Рог, и точка! – ударил по подлокотнику трона Арлинг так, что его усыпанная сверкающими самоцветами корона сползла на лоб, собрав у переносицы суровые складки.

Поняв, что немного перегнул палку в разговоре с верным, но обидчивым рыцарем, престарелый Арлинг примирительно добавил.

– Пойми, Рогги, я не могу доверять такое дело никому из этих благородных чистоплюев, – король поправил, украшенный драгоценными камнями головной убор, несколько разгладив складки, – Они все загубят на корню. Одно упоминание о Гонзанне вгоняет их в трепет. К тому же, сам знаешь, почти все они спят и видят, как захватить трон. Моя связь с Гонзанной, этим «охотникам на ведьм» только на руку. Вся надежда на тебя, сэр Рогбир, мой верный «дикий рыцарь». Так что не обессудь, отправляйся в путь. Прошу, помоги мне вернуть дочь!

Такие доводы Рогбиру крыть было нечем. Когда начало смеркаться простая крытая телега (карету решено было не отряжать, чтобы не привлекать излишнего внимания), запряженная парой лошадей, которой правил Эйсфо, выехала в сопровождении сэра Рогбира через северные ворота замка.

Уже в полночь, под всевидящим оком полной луны, рыцарь стучал в дверь одинокой халупы, затерявшейся в глуши Проклятого Болота...

– Скоро рассвет! Что скажешь, Гонзанна?

Рогбир подошел к занавеске, но заглянуть за неё не осмелился.

– Уже скоро, скоро, Рог! – миролюбиво проговорила старуха. – Я уже вижу её.

– Само собой, еще бы ты её не видела, – хмыкнул рыцарь. – Она лежит прямо перед тобой, во всей своей юной красе.

– Я говорю не о её телесной оболочке, я вижу принцессу в потусторонней тьме.

– Что?!! Где?!!

Рогбира передернуло от её слов. Рыцарь огляделся, пытаясь разглядеть ту самую «потустороннюю тьму», но к своему облегчению увидел только дремавшего у очага карлика.

– Совсем скоро сотня изрыгающих огонь черных лошадей принесет нам нашу девочку, – загадочно промолвила Гонзанна. – Все, Рог, не отвлекай меня, мне надо собраться с мыслями. Сейчас мне нужна полная тишина. Поступи как Эйсфо, вздремни.

Ага, вздремни. Как бы ни так. Уснуть в доме ведьмы – равносильно погибели. Рогбир даже ножны с мечом не отстегнул, ибо неизвестно, кто, или что в следующий миг пожалует в гости к старой ворожее.

Рыцарь отошел к окну и оглядел подступы к дому. Плотный туман, словно огромный удав, подползал с болота, сжимая вокруг дома клубящиеся кольца. В дымке болотных испарений то и дело мелькали чьи-то неверные тени. Из глубины болот слышался волчий заунывный вой. Ему ответил сердитым уханьем филин. В сарае испуганно заржали кони, а за занавеской торжественно захихикала Гонзанна.

Вот-вот что-то должно было произойти, и это «что-то» рыцарю определенно не нравилось.

Рогбир положил руку на рукоять меча и глянул на мирно дремавшего на плаще товарища. Карлик смешно засучил ногой и, проворчав сквозь сон «чертова ведьма», перевернулся на другой бок. Рыцарь подсел к очагу и подкинул полено в огонь. Языки пламени, прожорливо накупились на древесную плоть и стали с треском её пожирать.

«В час волка держи ухо остро, а меч обнаженным» – вспомнил рыцарь старую воинскую заповедь.

Рогбир отхлебнул бодрящего вина, настроился на ревностное бдение и... сам не заметил, как опустил голову и провалился в глубокий сон.

– Так-то лучше, – облегченно вздохнув, Гонзанна отвела глаза от занавески и впиалась хищным взглядом в полированный шар из черного горного хрусталя, уложенный в изголовье лежанки из звериных шкур, на которых покоилось обнаженное тело принцессы Марэны.

Нежная шелковистая кожа (сейчас сплошь покрытая тайными рунами, написанными кровью целомудренного черного кролика), тонкая талия, бутоны упругой груди, еще не познавшие мужских ласк, выющиеся рыжие локоны, разметанные по лежанке и очаровательное, даже подернутое мертвенной белизной личико – этот сосуд был достоин, чтобы в него вновь вдохнуть жизнь...

– Фиона, Фи... тьфу ты, Марина, ты где? – взмыленный администратор Сергей заглянул в подсобное помещение детского кафе, выделенного для переодевания участников их анимационной группы.

В подсобке, на ящиках из-под фруктов переодевался в «Осла» поверженный «Шреком» «лорд Фаркуад» – Кирилл Львович – единственный пенсионер в «креативном молодом коллективе». Пожилой Кирилл Львович был взят в команду лишь благодаря своему богатому ТЮЗовскому прошлому и чрезвычайно низкому росту, позволявшему ему играть характерных героев соответствующего типажа. Несмотря на почтенный возраст, мужчина был тот еще попрыгун-затейник.

– Львович, а где Маринка? – окликнул бойкого пенсионера администратор. – Куда она запропастилась?

– Ась?

– Где наш «огр» в юбке, спрашиваю?

– А-а, где Мариночка? Мариночка! Ты где? – Львович притворно заглянул за ящики. – А нету Мариночки. Тю-тю! А зачем она тебе?

– Львович, не тупи. Сейчас её выход. Там Саня, наш толстопузый «Шрек» уже с «принцессой» Викой сосутся перед малышкой. А это значит, что пора Вике, превратиться в Маринку. Ну, то есть, «принцессе»-красавице стать «принцессой»-«огром».

– А давай я и «Фиону» заодно исполню, – без раздумья предложил свои услуги Львович, прекратив натягивать костюм осла. – Расширю, так сказать, свой репертуар.

– Спасибо, Львович, ты у нас и так и «Лорд Фаркуад», и «Пиноккио», и «Кот в сапогах». А «осел» из тебя прямо такой типичный получается, как настоящий. Так что репертуар тебе добавлять не будем. Так где, Маринка?

– Знамо где, у служебного выхода дымит папиросками, – поделился информацией Кирилл Львович. – Хотела здесь закурить, так я её туда прогнал. У меня же астма, Сереженька. А мне еще в ослиной шкуре по кафешке с детками скакать. Могу и «скопытиться» перед детворой.

– Ладно Львович, дорогой вы наш осел, давайте, натягивайте уши и дуйте в зал, а я за Маринкой.

Администратор Сергей рванул по коридору к служебному ходу...

– Дебильное представление! – выпуская сигаретный дым через ноздри, поделилась Маринка наболевшим с рыжим котом, сидевшем на мусорном баке и изучающее разглядывая её. – Надо менять концепцию, киса.

Что именно хотела этим сказать, Марина до конца сама не понимала, но точно знала, что что-то надо кардинально менять. Так дальше нельзя.

Стоя в дверном проеме, в одной руке девушка держала тонкую длинную сигарету с ментоловым табачком, (а никак не папироску, как заявлял Львович), в другой реквизит – поролоновую «голову» принцессы Фионы, той самой, которой мультипликационный персонаж становился с заходом солнца – зеленой ушастой орчихи.

Приехав поступать в театральное училище из захолустья, Марина, как это в большинстве случаев происходит, не сдала вступительные экзамены. Возвращаться в глухомань, где её никто кроме тетки не ждал (да и та, скорее всего, не ждала, надеясь, что племянница найдет себе место в городе), девушка не захотела. Молодая особа решила остаться в городе, чтобы на следующий год вновь попробовать поступить. С работой для девушки без специальности в городе было туговато. Вариантов было два: выходить на трассу или идти продавцом в фаст-фуд. Воспользоваться первым вариантом ей не позволило воспитание, вторым – обзаводимость, в простонародье – боязнь растолстеть. Марина с детства любила булочки и «пирожки», благодаря чему имела некоторый излишек веса. Поэтому работа в фаст-фуде с их «обедом за счет работодателя» её пугала едва ли не так же как и первый – панельный – вариант. Так что работу аниматора, которая ей подвернулась, Марина посчитала подарком судьбы. Судите сами, и зарплата достаточная для того, чтобы снять комнату на окраине города и какие-никакие курсы актерского мастерства. Тем более, что ей нравилось возиться с верящей в чудеса мелкотней, видеть их улыбающиеся лица, дарить им сказку. Правда, роли ей доставались все сплошь дурацкие. Если тощей вертихвостке Вике, которая и играть-то толком не умела, путала и забывала слова, доставались роли «Феи», «Белоснежки» или вот, красавицы «Фионы», то упитанной Марине приходилось играть то «Ниндзю-черепашку», то «Губку Боба», а то и «Аркадия Паровозова», в лучшем случае принцессу Фиону (во второй ипостаси, той, которая «огр»). Со временем такое положение дел Марину стало напрягать.

Не раз она разговаривала с администратором Сергеем по поводу своих, мягко выражаясь, ролей. И всякий раз он обещал подумать, между делом ненавязчиво намекая, что не мешало бы немного похудеть потенциальному кандидату в «Рапунцель». Марина и без намеков понимала, что да – худеть надо. И после очередного признания очевидного факта, решала начать новую жизнь, которая должна была включать в себя строгую диету, утренние пробежки и другие не менее значимые процедуры, способствующие существенному сбросу веса. Но утро было не намного мудренее вечера, и все её начинания, как правило, заканчивались на этапе плани-

рования той самой новой жизни. Так что покамест ей приходилось довольствоваться ролью милого «огрессы», в то время когда она мечтала сыграть настоящую принцессу.

– Ах, вот ты где! – вывел её из раздумья голос Сергея. – Кончай перекур, Марина. Напаяй «голову» на голову и бегом в зал. Там Саня с Викой уже на бис перед детьми взасос целуются, а она все никак в людоедку не превратится. Как бы родители жалобу не подали за развращение своих малолетних отпрысков. Давай, давай, бегом моя хорошая! Бросай курить, вставай на лыжи!

«Да, концепцию надо менять», – подумала Марина и, пульнув в урну окурок, припустила по коридору, подгоняемая администратором, спасать выходящую из под контроля ситуацию...

– Ладно, всем пока! – бросила Марина, еще раз придирчиво осмотрела свои чересчур пышные формы в зеркале, тяжело вздохнула и покинула офис.

Выйдя на улицу, девушка свернула за угол и направилась к станции метро, чтобы успеть на последний поезд. Сегодня они припозднились: пока привезли в офис костюмы, пока поделили заработок, пока договорились о следующем представлении, наступила полночь. Но, несмотря на поздний час, настроение у Марины было хорошее. Невзирая на скверное в её субъективном понимании представление, гонорар за устроенный праздник от родителей маленького именинника они получили хороший. Хватит и за жилье заплатить и прикупить что-нибудь из одежды.

В вагоне метрополитена, увозившего её на окраину города, было малоллюдно. Паратройка таких же, как она, припозднившихся пассажиров. Все коротали время в пути как могли. Парень в наушниках скучающе разглядывал рекламу в вагоне. Женщина с полной сумкой читала книжку карманного формата. Пожилой мужчина в очках дремал, изредка поглядывая на часы. Никому не было дела до Марины, но, тем не менее, у девушки создалось такое ощущение, словно за ней кто-то наблюдал. Неприятное, знаете ли, ощущение. Марина посмотрела через окно в ближайшие вагоны, но и там не обнаружила, ни чьего любопытного взгляда и списала все на переутомление. Чтобы отвлечься от навязчивого чувства, девушка подумала о том, что уже скоро окажется дома, потихоньку, чтобы не разбудить хозяйку, выпьет на кухне чаю, затем закроется в своей съемной комнате, окунется в пленительный мир Интернета и «встретится» с такими же как она полуночниками. Там, в «мировой паутине», она чувствовала себя как рыба в воде: знакомилась, общалась, флиртовала, дразнила, ссорилась, мирилась, конечно же, «лайкала», а бывало и «банила». В социальных сетях у неё было великое множество виртуальных знакомых, друзей и поклонников. Последние клевали на её «аватарку». Своё фото Марина выставять стеснялась, – рыжая, веснушчатая, пухлощекая барышня – поэтому скрывала девичьи комплексы за чужой фотографией очаровательной «куколки», скачанной там же, на бескрайних просторах Интернета.

Подъезжая к конечной остановке, Марина встала и подошла к двери, где уже стоял, пританцовывая, юноша в наушниках. Марина оглядела свое отражение в окне: модные, с прорезами на коленках, джинсы, меньшие на размер чем нужно, но больше на три, чем хотелось бы, джинсовая же кепка и обтягивающая футболка с веселой надписью «Все бабы как бабы, одна я...». Снизу на футболке было написано «принцесса», однако главное слово крылатого выражения затерялось в складке на животе. Марина одернула футболку и пропавшая «принцесса» появилась на свет. Теперь все в порядке.

Юноша, краем глаза наблюдавший за Маринкой, понимающе улыбнулся и вышел в автоматически открывшиеся двери. Конечная остановка.

Выбравшись из подземки, Марина подошла к круглосуточному киоску, торговавшему, в том числе, и вкуснячками пирожными. Постояв минуту в раздумье, она отвела взгляд от манящей витрины со сладостями и пошла прочь. Ведь с завтрашнего дня она уже твердо решила начать новую жизнь. Сделав несколько шагов, девушка круто развернулась и вернулась к киоску. Завтра будет только завтра, а сегодня она себя крайний раз побалует «ромовыми бабами» и «заварными». Заслужила.

Купив несколько пирожных, девушка приняла пакет у продавца и пошла в сторону многоэтажек нового спального микрорайона, который был недавно возведен на месте высушенных болот. Город разрастался новыми территориями.

На тротуаре, ведущем к новостройкам, было безлюдно. Основная масса пассажиров свернула в частный сектор. Марина прошла по мосту через овраг, который отрезал спальный район от ярко освещенного пятачка станции метро, и её вновь посетило тревожное чувство, словно за ней наблюдают.

«А вдруг это маньяк, да еще сексуальный, – мелькнула пугающая мысль в голове девушки, – Что там по этому поводу надо предпринять? Ах, да – если вас насилуют, попытайтесь расслабиться и получить удовольствие» – вспомнила она забавное выражение, пытаясь хоть немного себя развеселить. Но сейчас ей было не до смеха. Скорее наоборот. Стало еще тоскливее.

Внезапно где сверху захлопала крыльями ночная птица и вдобавок к ней закружили вокруг с дюжину юрких летучих мышей. Тут уже и так взвинченные нервы Марины не выдержали.

Девушка припустила по тротуару в сторону мирно дремавших многоэтажек. Стук её одиноких каблучков отдавался эхом в округе, отчего создавалось ложное впечатление, что за ней бежит кто-то еще. Не в силах обернуться назад Марина уже без стеснения помчалась сломя голову и почти добралась до ближайшей высотки. Осталось только перебежать через перекресток со светофорами, предостерегающе подмигивавшими ей по-кошачьи желтыми глазами.

Когда Марина была уже на середине «зебры», раздался визг шин, и из-за угла вылетело черное «BMW». Не сбавляя хода, рычащий форсированным движком автомобиль помчался прямо на неё. Свет ксеноновых фар ослепил девушку.

– Ослеп что ли... – прикрыв глаза рукой, крикнула девушка.

Договорить она не успела. Раздался запоздалый скрип тормозов, затем глухой стук. От удара Марину отбросило на газон. Потерявшую управление машину занесло в сторону, где она сбила светофор и, заехав передними колесами на тротуар, заглохла.

В окнах окрестных домов стал зажигаться свет. Потревоженные дорожно-транспортным происшествием жители выглядывали в окна и выходили на балконы. Кто-то звонил в скорую, кто-то вызывал полицию, а на газоне неподвижно лежала девушка в футболке с веселой надписью, так и не выпустив из руки пакет со сладостями...

– ...придурок! – еле слышно прошептали бледные губы принцессы Марэны.

В следующий миг её грудь поднялась – девушка сделала первый глубокий вдох, замерла и... порывисто задышала.

– Вот и ладненько! – радостно потерла руки Гонзанна, все также сидевшая у изголовья лежанки. – Возвернулась в свой «кров» голубушка! Ай да я, ай да чертова невеста! И ты тоже умница, Марэна! – старуха погладила девушку по голове, – Еще немного полежи, укрепишь во плоти и просыпайся, лапонька. Главное, не сорвись вновь в потустороннюю тьму...

– Товарищ лейтенант, водила кажись в неадеквате. Лопочет ерунду какую-то, все валит на типа обезумевшую тачку. Странно, спиртным не разит, видимо под воздействием наркосодержащих препаратов, – доложил сержант патрульного наряда, первым приехавшего на место происшествия.

– Хорошо! Контролируй нашего лихача, сейчас я здесь закончу и поедем на освидетельствование, – произнес лейтенант и обернулся к медикам, грузившим носилки с пострадавшей девушкой в карету скорой помощи. – Что с девчонкой, жить будет?

– Сложно сказать, – ответил врач, захлопывая дверь «скорой». – При внешнем осмотре никаких серьезных травм ни на теле, ни на голове не выявлено, что весьма странно. Правда все остальное плохо, зрачки на свет не реагируют, но это, возможно следствие закрытой черепно-мозговой травмы. Дыхание слабое. Пульс нитевидный, пальпаторно определяется с трудом. Скорее всего, пострадавшая находится в коматозном состоянии. Более определенно можно будет сказать при клиническом обследовании.

– Да, бедолага! – вздохнул лейтенант полиции. – Не повезло, так не повезло.

– Ладно, поехали мы! – врач протянул руку лейтенанту. – Будем надеяться, что все обойдется, и девчонка выкарабкается. С виду вон какая крепкая. Кровь с молоком.

Полицейский пожал доктору руку и подошел к нервно кутившему около разбитой машины водителю.

– Ну что «Шумахер», долетался? – участливо, но с долей здорового цинизма, произнес лейтенант и кивнул на отъезжавшую карету «Скорой помощи». – Молись, дружище, чтобы она выжила, или загремишь по полной программе.

– Командир, да пойми ты, я сам не понимаю, как оно получилось, – пылко заговорил водитель – мужчина лет тридцати пяти в бейсболке и спортивном костюме. – Я вообще не собирался сюда ехать, а мой «бумер» вдруг словно взбесился. Я руль кручу в одну сторону, а «тачка» прет прямо, я газ сбрасываю, а она ускоряется, я по тормозам, а ей хоть бы хны. Все как будто заклинило. Наверное, сотни две «лошадей» из себя выдавила, пока на этом перекрестке ту бабенку не сбила. Потом сразу заглохла. Просто чертовщина какая-то! Я тут не причем, отвечаю, товарищ начальник. Это все она, тачка фашисткая!

– Ничего, разберемся, что здесь за «чертовщина» произошла, – ответил лейтенант, разглядывая покореженный автомобиль. – Так сколько ты говоришь, в этом «бумере» «лошадей»... было.

– По техпаспорту сто тринадцать, но перла как танк!

– М-да, число нехорошее, – покачал головой лейтенант. – Ладно, поехали, нанесем визит вежливости дежурным наркологам. А то мучаются там, от безделья.

Пока приехавшие эвакуаторщики возились с пришедшей в негодность машиной, полицейские повезли незадачливого «лихача» на освидетельствование.

Две яркие, слепящие фары феерично рассыпались на тысячи осколков, каждый из которых засверкал крошечной радужной звездочкой. Стало необыкновенно легко и тихо. Марине чудилось, что она обратилась в невесомую былинку, парящую в пучине межзвездного пространства. словно в объятиях абсолютного покоя, она качалась на волнах невесомого эфира. Казалось, неуязвимое, а потому никому неподвластное Время, самовольно приостановило свой беспечный бег, чтобы дать ей насладиться всепроникающей песней тишины. Марина зачарованно наблюдала за разноцветными переливами окружающего её великолепия. Вокруг неё, в первозданной тишине плавали величественные галактики и загадочные туманности, пронеслись юркие стайки астероидов, неслышно накрапывали метеоритные дожди. Представшая перед ней картина была наполнена незримой любовью и светлой грустью.

Послышался еле различимый в чарующем шепоте звезд голос, который ласково, но настойчиво звал её. Марине не хотелось покидать это чудесное место, но противиться голосу она не могла. Окружающий блистательный мир внезапно свернулся в одну яркую точку, к которой против воли устремилась она. Точка все разрасталась и разрасталась, пока, наконец, не заполнила собой все пространство и не поглотила её. Сразу стало как-то тесно, дискомфортно и тяжело дышать.

Марина застонала и открыла глаза...

– Хвала силам кромешным! – благоговейно пролепетала Гонзанна, умиленно глядя на открывшую глаза принцессу. – Вернулась Марэна!

Несколько раз моргнув, Марина увидела над собой угол хижины, полностью затянутый паутиной. В следующую секунду угол с паутиной закрыло от неё старушечье лицо, испещренное сеткой морщин и обрамленное седыми всклокоченными волосами. Старуха оскалилась, обнажив остатки зубов, и, как ей самой показалось, нежно произнесла:

– Доброе утро, Ваше Высочество!

Марина моргнула несколько раз, но так как кошмарное видение не исчезло ей ничего не оставалось делать, как завопить истошным голосом.

С первым воплем принцессы, храпевшие Рогбир и Эйсфо вскочили на ноги, и ещё не разобравшись спросонья, что за переполох, обнажили клинки.

Уяснив, что крики раздаются из-за ширмы, Рогбир первым шагнул к занавеси и разрубил веревку. Занавеска упала к его ногам, а их глазам предстала живописное зрелище – ожившая и все еще обнаженная принцесса Марэна, забившись в угол, визжала так, будто ей подсмолили пятки, а старая ведьма, сидя возле опустевшей лежанки, растерянно переводила взгляд с черного шара на девушку, неслышно бормоча проклятия.

Увидев голую принцессу, Рогбир деликатно отвел взгляд в сторону. Заметив, что бесцеремонный Эйсфо, буквально пожирает глазами юное девичье тело – только слюна с языка не капает – рыцарь прикрыл тому глаза рукой, а чтобы тот не рыпался, недвусмысленно приставил меч к горлу коротышки, и только после этого задал вопрос:

– Гонзанна, тысяча чертей, что здесь происходит?!

Мудрая ведьма даже не знала что ответить.

Но тут ей на выручку пришла леди Марэна. Заметив, что стоит совершенно голая, она прекратила вопить и стыдливо прикрыв руками грудь и пах, внимательно разглядела всю троицу.

Неприятная женщина в ужасном гриме, здоровяк в странном костюме с бутафорским мечом и прыткий коротышка в совсем уж «дешевском» тряпье – кто еще это мог быть кроме её придурочных коллег.

– Вика? Саня? Кирилл Львович? Вы что совсем рехнулись? – заговорила девушка. – Нарядились в дебилов и устроили тут «Хеллоуин». Кирилл Львович, ладно эти двое умственно отсталых, но вы-то взрослый человек, почетный пенсионер, – попеняла она карлику, глазевшему на неё сквозь пальцы рыцарской руки, – а туда же, в дурацкие розыгрыши ввязываетесь. Ладно, все пошутили и хватит. Вы двое свалите отсюда! Вика, где мои шмотки? Сейчас я оденусь и разберусь, какая скотина меня напоила. Голова просто раскалывается.

Принцесса замолчала, выжидающе поглядывая на мужчин. Рыцарь и карлик непонимающе переглянулись.

– Гонзанна, что с принцессой?! Она что разумом повредилась? – спросил, наконец, Рогбир, все также стараясь не глядеть на девушку. – Ой, чую, не сносить тебе головы, бесовская старуха.

– Чегось? Головы? – рассеянно пробормотала Гонзанна. – Какой головы?

Только сейчас до ведьмы дошло, что она натворила. Надо было срочно выправлять свое незавидное положение.

– С принцессой все хорошо! – внезапно уверено произнесла старуха. – Просто она долго находилась в беспамятстве, и сейчас ей надо прийти в себя.

– Что?

– Я говорю, что у леди Марэны память отшибло! – выпалила визгливо Гонзанна. – Но она совсем скоро все вспомнит и тогда уже вам не сносить головы, если она вспомнит, как вы на неё голую тут пилились. Ну-ка пошли прочь, бесстыдники! Вон отсюда! Брысь охламоны!

– Все, не ори! Мы уходим! – конфузливо отвернулся рыцарь.

Сграбастав в охапку карлика, Рогбир пошел прочь. Остановившись в дверях, не поворачиваясь, произнес.

– А ты, значит того, приведи принцессу в порядок старуха, да поторопись. Нам нужно возвращаться!

С этими словами рыцарь покинули жилище, прихватив с собой упирившегося карлика.

Едва только дверь за мужчинами захлопнулась, Гонзанна вновь переключилась на ничего не понимающую девушку. Так и есть! Глаза! Ведьма не однажды видела Марэну еще совсем юной девочкой и чуть постарше, и помнила холодный взгляд её бледно-голубых как льдинки глаз. Глаза же очнувшейся леди Марэны поменяли свой цвет – их лазурный оттенок стал темнее и насыщеннее, как отраженный свет небес в лесных озерах.

– Бедная девочка! Как же я могла так оплошать?! Никак злые бесы все незримые нити запутали! – запричитала старуха. – Что теперь будет? Что будет? Не сносить нам с тобой головы? Бедная девочка! Бедная я! Бедная, бедная Гонзанна!

– Да что вообще происходит? Вы кто, вообще? – девушка уже догадалась, что никакая это не кривляка Вика. Да и те двое пусть и в гриме, не очень-то походили ни на Саню, ни на Львовича – первый был гораздо шире в плечах, чем Санек, а коротышка в лохмотьях еще ниже их плюгавенького пенсионера-затейника. – Как я вообще здесь оказалась?

Старуха перестала стенать и пристально уставилась на девушку.

– Я заключила тебя, девочка, в эту плоть. Искала дух принцессы Марэны в потусторонней тьме, и вместо него нашла твой. В общем, оплошала я, старая никудышная наузна. Костра инквизиции мало мне за это!

– Постойте, о чем вы говорите? – девушка вышла из угла и присела на лежанку, возле ведьмы. – В какой потусторонней тьме вы меня нашли?

– В той самой! Неужто ничего не помнишь?

Марина напрягла память, но последнее, что смогла вспомнить были фары надвигавшегося автомобиля. То, что она видела в коротком промежутке между аварией и «пробуждением» в этом странном месте, в памяти не сохранилось.

– Помню, лишь как на перекресток вылетела какая-то машина, – после недолгого раздумья сказала девушка. – А потом уже очнулась здесь.

– Эта дьявольская повозка и выбила тебя из той брэнной оболочки, что осталась в твоём мире, а дальше уже я подсутила, – пояснила Гонзанна, не договаривая что и «дьявольская повозка» её рук дело. – Ты перенеслась из своего мира сюда, в тело дочери нашего короля, принцессы Марэны, душа которой прошлой ночью безвременно покинула юную плоть.

В это трудно было поверить, и Марина понадеялась, что все происходящее ей снится. Просто очень реальный и очень жуткий сон. В надежде избавиться от наваждения, она ущипнула себя раз, другой, ударила по щеке, дернула за волосы.

– Ты чего это? – любопытствовала ведьма.

– Чего-чего, проснуться хочу.

– Не получится, – вздохнула старушка. – Теперь «проснуться» не получится, хоть щипай себя, хоть ножом нарежай. Теперича ты в полоне этой юной плоти.

– Обалдеть, не встать! – угрюмо проворчала девушка.

– Ась? Что говоришь? – не расслышала Гонзанна.

– Я говорю, выпить мне надо бы. Есть что выпить?

Старуха оглядела хижину и обнаружила ополовиненный бурдюк с вином, оставленный сэром Рогбиром.

– Вино есть. Будешь?

– Водку бы сейчас, ну давайте, что есть.

Взяв у ведьмы кожаный мешок с напитком, девушка выдохнула и сделала несколько больших глотков. Вино оказалось терпким и крепким. В животе сразу стало горячо, на душе чуть легче, а в голове проще и просторней. Мысли перестали хаотично прыгать. Марина сделала еще несколько контрольных глотков, для более спокойного осмысления происходящего и, чтобы не переборщить с хмельным, вернула бурдюк старухе.

– Ну как, полегало? – осведомилась Гонзанна.

– Есть немного, – призналась девушка, чувствуя, как её отпускает страх. – Хоть руки дрожать перестали.

– Ну и мне не помешает, – ободряюще подмигнула ведьма своей гостье и тоже приложилась к сосуду с вином.

Острый кадык Гонзанны задергался в такт глоткам.

– Эх, хорошо пошла! – крикнула старушка, обтирая губы.

– Ну что там, Гонзанна, леди Марэна готова? – раздался с улицы голос Рогбира (никак почувствовал, что его вином угощают).

– Жди! – крикнула ведьма и, всплеснув руками, обратилась к девушке. – Да, что же это я, в самом деле, бабка бестолковая, тут языком мелю. Надобно тебя, Ваше Высочество, в пристойный вид привести. Вставай-ка, принцесса, я тебя обмою, а опосля облачиться в одежды помогу.

– Хорошо!

Девушка встала, и пока старуха отходила за водой, более тщательно осмотрела свое тело. Увиденное немало её удивило. Высокая красивая грудь, округлые бёдра на длинных стройных ногах и, самое замечательное, плоский живот и тонкая «осиная» талия – её вожаемая мечта. И нет даже намека на предательские складки жировых отложений. Не меньше её порадовали и густая копна шелковистых выходящих золотистых локонов.

– Вот, ключевая водица, – Гонзанна поставила перед девушкой кадуюшку с водой. – Умой лицо, принцесса, а я тебя дальше сама обмою.

Девушка склонилась над кадкой и... залюбовалась своим отражением. Из зеркала водной поверхности на ней смотрела писаная красавица: большие глаза, тонкие брови, точеный, слегка вздернутый носик, немного заостренный подбородок, строго очерченный изгиб припухлых губ и милые ямочки на щеках.

– Что, нравиться?

– Ага! – зачарованно прошептала девушка. – Она (или я?!) прекрасна!

– То ли еще будет, когда умоешься, принцесса Марэна, и облачишься в прекрасные одежды.

– Ну, какая я вам принцесса? – уже немного освоившись, хмыкнула захмелевшая девушка. – Я обычная девушка. Зовите меня Марина.

– Никак нельзя. Ты у нас принцесса, понятно? Если они, – Гонзанна кивнула на дверь, – узнают, что ты не ты, плохо будет и тебе, и мне, и всем. Король от нас с тобой точно мокрого места не оставит. Так что давай, умывайся, затем оденем тебя, а потом я скажу как нам быть.

Приведя девушку в порядок, ведьма умело заплела ей волосы в тугую золотую косу. Оглядев свою «работу» Гонзанна удовлетворенно поцокала языком о пару-тройку оставшихся зубов и проинструктировала восторженно оглядывавшую себя девушку:

– Значит так, моя девочка. Слушай меня внимательно. Ровно через месяц, в следующее полнолуние, и никак не раньше, я смогу тебя вернуть в твой мир, так как золотая нить, связывающая тебя с *той* плотью, еще не порвана. Но чтобы прожить этот месяц, тебе придется сыграть роль принцессы, да так чтобы никто не усомнился в том, что ты это она. Сыграешь эту самую роль, о которой ты, насколько я могла разглядеть, мечтала, – при этих словах девушка вздрогнула (как глубоко ведьма заглянула в её душу?), – С этой минуты ты леди Марэна, дочь короля Арлинга Великодушного. Единственный шанс остаться неузнанной, как бы это не странно звучало, никого не узнавать. Тем паче, что ты и так никого не знаешь. Делай вид, что память отшибло, а я, если что, заверю, якобы так оно и есть, тем кто интересоваться будет. Но, думаю это излишне. Еще раз напоминаю: в следующее полнолуние ты должна быть здесь. Но до этого – запомни! – веди себя тихо, сказывайся хворой, избегай общества и старайся меньше бывать с королем. Король Арлинг не только Великодушный, но еще проницательный и порой гневный до ужаса. Коли он разведает нашу тайну, то мы с тобой будем завидовать мертвым. Ты все поняла, леди Марэна?

– А может, я у вас тут перекантуюсь? Страшно мне что-то ехать в королевский замок.

– Да ты что, шутишь? Страшно ей! – ухмыльнулась ведьма. – Глянь какой у мен тут раздрай. А знаешь ли ты, милая, какие «незванцы» ко мне по ночам в гости иной раз наведываются?

– Нет.

– Вот лучше тебе и не знать. И даже если бы мне взбрело в голову оставить тебя здесь, голубушка, сюда уже к вечеру пожаловала бы вся королевская рать во главе с сиром Арлингом. А оно нам надо?

– Не-е... не знаю. Наверное, нет!

– И я о том же? Лучше давай-ка не будем привлекать излишнего любопытства, а сделаем, как я говорю. Ладно?

– Давайте, попробуем, – вздохнула новоявленная принцесса и посетовала на выпавшую ей «нелегкую» долю. – Лучше бы мне переждать этот месяц простой крестьянкой, и почему подобное происходит именно с принцессами?

– Скажешь тоже. Кто же с простолюдинкой связываться захочет? Никто. Померла и померла. Закопали, оплакали и забыли. А с особой королевских кровей и супротив желания заставят повозиться.

– Что верно, то верно, – безнадежно вздохнула девушка. Ведьма была права.

– Ну не раскисай, не раскисай, – попробовала взбодрить её Гонзанна. – Итак, веди себя смиренно, но достойно, как подобает принцессе. И таким как эта парочка, что привезла тебя ко мне, сэр Рогбир и его дружок Эйсфо, спуску не давай. Безродный, а потому дикий рыцарь Рогбир, хоть и беспородный, но верный цепной пес короля, его левая рука. Карлик Эйсфо, мелкая, но кусачая, вольная дворняга. Раньше вообще был бродячей «псиной», но потом связался с Рогбиром и обосновался в нашем королевстве. Есть у короля и благородные «псы», вассалы, имеющие свои владения: маркизы, графы, бароны. С виду они все важные и церемонные, но нутро почти у всех их прелое. Даже первый из благородных рыцарей, герцог Сигфусс, советник и правая рука короля, остерегался твоего крутого нрава. Прежняя ты, гоняла их брата как пастушка тех ягнят. Вот и нынешняя ты держи с ними ухо остро и особо не церемонься.

– Вам легко говорить.

– Поверь, это не так уж и сложно. К хорошему быстро привыкаешь.

– Что-то я сомневаюсь. Думаю, у меня не получится.

– А ты не думай, просто помни, что ты в беспамятстве и что отныне ты леди Марэна. Да, и еще одно – ты принцесса, спору нет, но постарайся не встречаться с королем взглядом. Заглянув в твои глаза, он может заподозрить подвох.

– А что с ними, с глазами, не так.

– Ничего страшного, они лишь немного изменили цвет и, наверное, потому... подобрили что ли. Да и вообще, взгляд у тебя иной, не нашего поля ягода. Ну, все, пошли наружу. Твои сопровождающие уже заждались.

– А можно еще вина, на посошок, – попросила девушка, так как добавилась еще одна причина для переживания.

– Почему нет, испей, Ваше Высочество, – щедро распорядилась чужим добром Гонзанна. – И мне не помешает. Ночь нынче непростая выдалась.

Сделав еще по несколько глотков, ведьма и принцесса, вышли из ветхого дома.

Увидев, вышедшую на крыльцо, леди Марэну, слонявшиеся около повозки рыцарь и карлик, склонились перед ней в неуклюжем реверансе.

– Ваше Высочество, как вы себя чувствуете? – почтительно поинтересовался Рогбир, ожидая резкой отповеди от ранее весьма склочной и бойкой на язык девицы.

Девушка не знала, как должно отвечать принцессе, поэтому возникла неловкая пауза.

– С вами все хорошо? – искренне встревожился рыцарь, увидев, как побледнела девушка.

Поняв, что еще немного, и эта парочка заподозрит неладное, принцесса ответила так, как на её месте ответил бы любой воспитанный человек (но не *та* леди Марэна).

– Благодарю Вас, сэр...

– Рогбир, – подсказала ведьма.

– Сэр Рогбир, я чувствую себя достаточно сносно, – произнесла с замиранием сердца девушка и покосилась на Гонзанну.

Старуха досадно покачала головой – не так надобно разговаривать с этими вередниками, эх, не так.

Ответ немало обескуражил и обоих мужчин. Они ожидали от принцессы привычных проклятий на свою голову, а тут вдруг совершенно внезапное и даже где-то неуместное «благодарю Вас».

– Что рты разинули, остолопы! – спасая ситуацию, вместо принцессы накинута на них Гонзанна. – Стоите как два пня дубовых. Я же вам сказала, что леди Марэна памяти лишилась. Ей нужно спокойствие, чтобы восстановиться и припомнить все ваши прегрешения. Я все что могла, сделала. А вы не стойте как истуканы, а помогите Её Высочеству взобраться на повозку, да отправляйтесь в обратный путь. Не хватало, чтобы король там с ума сошел из-за вашей медлительности. Ну-ка, поторапливайтесь, шельмецы!

Необычное поведение принцессы и неожиданный напор Гонзанны возымели действие. Карлик подбежал к передку повозки и упал на четвереньки, чтобы принцесса по нему могла взойти на телегу. Огромный сэр Рогбир встал около коротышки на одно колено и вытянул руку, чтобы Марэна могла на неё опереться.

Девушка боязливо продолжала топтаться на крыльце. Тут уже не выдержала ведьма и подтолкнула её вперед.

– Ступайте, Ваше Высочество, и ничего не бойтесь, все будет хорошо!

Принцесса подошла к повозке и в нерешительности остановилась перед стоящим на карачках карликом.

– Прощу Вас, Ваше Высочество! – пригласил рыцарь её занять место в повозке.

– Благодарю! – еще раз озадачила девушка провожатых и, краснея от смущения, взошла по карлику, как по ступеньке, и уселась на приготовленное ей место.

Невозмутимый Эйсфо встал, отряхнул колени, проворно взобрался на передок и, заняв место возницы, взялся за вожжи.

Сэр Рогбир, убедившись, что принцесса готова к дороге, взобрался на своего коня.

– Гонзанна, ты того... извини меня за то что наговорил там, в доме, – трезвый рыцарь был учтив с женщинами, несмотря на их положение в обществе.

– Да ладно, я на тебя зла не держу, Рогги. Вижу, что ты человек не дурной, это все хмель в тебе наговорил.

Повеселевший рыцарь махнул ведьме на прощание рукой.

– Ну, счастливо оставаться, Гонзанна!

– И тебе не хворать, Рог! – ответила ведьма. – Береги принцессу!

Гонзанна многозначительно переглянулась с испуганной Марэной-Мариной, и ободряюще подмигнула той.

– Ах-да, остерегайся дра...! – спохватившись, шепнула ведьма девушке, но её слова потонули в крике карлика.

Именно в этот момент Эйсфо гикнул на лошадей, щелкнул хлыстом, и повозка затряслась по единственной дороге, проложенной на болоте от дома старой ведьмы, оставив девушку наедине с чуждым ей миром и невеселыми думами.

Марэна так и не поняла, о чем её пыталась предупредить ведьма.

– Да помогут тебе высшие силы! – прошептала Гонзанна, провожая взглядом удаляющуюся кавалькаду.

Несмотря на то, что она обнадежила Марэну, сказав той, что все будет хорошо, самой Гонзанне не очень-то в это верилось. Чувствовала старуха, что добром её оплошность не кончиться, а вот для кого именно добром не кончиться, об этом ей надо было уточнить у привередливых духов болота.

Повозка скрылась за деревьями и Гонзанна заковыляла обратно в свою хижину. Там её ожидал забытый Рогбиром бурдюк с вином. Ведьма решила нынче основательно нарезать. Уж, слишком много сегодня выпало переживаний на её седую голову...

Когда закончились смрадные топи Проклятого Болота и путники выехали на большую лесную дорогу, помалкивавший до этого Эйсфо приободрился и даже набрался храбрости обратиться к сидевшей позади принцессе.

– Ваше Высочество, прошу прощения за бестактность, и тем, что сижу к вам спиной, – произнес он, обернувшись через плечо, – но, позвольте узнать, вы и в самом деле не помните кто я?

Леди Марэна отрицательно покачала головой.

– Вот так дела! – хлопнул себя по колену карлик, не зная радоваться или повременить.

Немного поразмыслив, Эйсфо решил извлечь из создавшейся ситуации, для себя хоть какую-то выгоду.

– Это прискорбно, – почти искренне опечалился он, – а ведь мы были с вами хорошими друзьями. Теперь-то вы, Ваше Высочество, вряд ли об этом вспомните.

– Надеюсь, мы останемся друзьями и впредь, – ответила Марэна, впервые за всю дорогу улыбнувшись.

– О, это было бы великолепно! Как в старые добрые времена!

– В какие времена?! Что ты чепуху мелешь, трепло! – сурово осадил карлика, поравнявшийся с повозкой сэр Рогбир, слышавший разговор. – Да тебя леди Марэна на дух не переносила, это каждой собаке в королевстве известно.

– Ой, как будто тебя она жаловала? Принцесса обоих нас с тобой за людей не считала, как и других, – огрызнулся карлик и, сообразив, что наговорил лишнего и его «невинная» ложь им же самым раскрыта, даже не подумал извиниться, а возложил вину своего конфуза на Рогбира: – Что, доволен, поборник правды?! Я, может, хотел как лучше, а ты все испортил и мне смертный приговор подписал.

– Не скули, а смотри на дорогу.

Продолжая трусить рядом с телегой на рысаке, рыцарь наклонился и, заглянув под тент повозки, обратился к девушке:

– Ваше Высочество, прошу вас, не гневайтесь на этого мелкого во всех отношениях человека. Он не достоин вашего внимания. Я сам, с вашего позволения, проучу его, как только мы прибудем в замок вашего отца.

– Хорошо! Пусть будет так, только не будьте с ним очень строги, – ответила принцесса. – Ведь у него не было злого умысла.

– Это верно, – облегченно вздохнул внешне суровый, но в глубине души переживавший за своего товарища, рыцарь. Ведь если бы на удивление нынче кроткая принцесса вышла из себя (или, правильнее сказать, пришла в себя), то за длинный язык болтаться карлику на веревке. – Поверьте, у Эйсфо не то, что злого умысла, у него порой здравого смысла не хватает.

– Сам ты дуралей! – проворчал коротышка, зыркнув на товарища, но его глаза были исполнены благодарности.

– Прикуси язык, болтливое отродье... – безмятежно ответил рыцарь.

Леди Марэна с трудом сдерживала улыбку, наблюдая за беззлобной перебранкой двух закадычных друзей, которые, несмотря на постоянные перепалки, готовы были прийти друг другу на помощь в минуту опасности. И еще ей польстило относительно учтивое обращение к ней этих неотесанных с виду мужланов, даже не смотря на лукавый нрав карлика.

Вскоре лесная чаща закончилась, и сразу от опушки потянулись обработанные поля, на которых трудились крестьяне. Загорелые до черноты земледельцы, заведя сопровождавшего телегу рыцаря (принцессу в крытой повозке они не видели), прекращали на некоторое время работу, хлопали в ладоши и приветливо махали шляпами Рогбиру. Рыцарь, знавший многих из них лично, поднимал руку в ответном приветствии, кивая на обе стороны.

Вообще-то всем простолюдинам полагалось при проезде рыцаря, пусть и «дикого», кланяться ему в пояс. Однако сэр Рогбир не одобрял подобного обычая, по крайней мере, в отношении себя и, несмотря на статус «левой руки короля», держался с простыми ремесленниками и крестьянами запросто, без излишнего высокомерия. За это, а также за отвагу и отзывчивость, его любили простые работяги из низкого сословия. Примерно за то же самое его недолюбливала благородная публика.

– Зря ты прителествуешь с чернью, – подал голос Эйсфо видя как (!) деревенская беднота ведет себя перед рыцарем. – Мужичье должно знать свое место и твоя забота показать им это место. Ты с ними на короткой ноге, а должен, наоборот, держать простолюдинов в страхе и уважении к своей особе.

– Во-первых, никому я ничего не должен, – усмехнувшись, парировал Рогбир. – А то, с кем и как я вожу знакомство, это мое личное дело. Они, вон, хлеб выращивают и не только. Нелегкий труд, достойный уважения. А вот, зачем я с тобой, бездельником, маюсь, сам до сих пор не пойму. И это несмотря на то, что познакомился я в свое время, с хватким воришкой, который пытался меня обокрасть во время ночлега в лесу. Может мне и впрямь тогда нужно было отрубить ему руку, как того требуют законы? А-а, Эйсфо? А не предлагать разделить со

мною хлеб и воду. Может быть, он после этого человеком стал, и то еще не до конца? Что на это скажешь?

– Ой, да якшайся, с кем хочешь! – сердито буркнул карлик, не любивший вспоминать тот унижительный случай, когда его, еще молодого ловкача, впервые поймали за руку. И кто?! Пьяный спящий (!) дикий рыцарь. – Только потом не говори, что я тебя не предупреждал!

– Не переживай, не скажу.

Дружки разговаривали вполголоса, но Марэна слышала их очередную перепалку и то, что сэр Рогбир, несмотря на свое положение, вел себя уважительно по отношению к людям низкого сословия, вызвало у неё симпатию к этому грозному и мрачному с виду человеку. И даже бугрившиеся на щеке и виске рыцаря шрамы, поначалу показавшиеся ей безобразными, сейчас не вызывали и толики неприязненности. Всего лишь след бывших битв, печать бывалого воина...

Проехав каменный мост через небольшую речушку, повозка и сопровождавший её рыцарем поднялись на пригорок, с которого открылся вид на город и замок короля.

– Почти приехали, Ваше Высочество! – сообщил рыцарь. – До дома рукой подать!

Девушка выглянула из повозки и обомлела от волнения и восхищения – перед её взором в живописной долине раскинулся большой город, а за ним и до самого горизонта, в лучах заходящего солнца, лениво колыхалось степенное море. Это и был Лонтерфол – столица королевства.

Хоть в городе имелось немало внушительных, огороженных по всем правилам военной науки особняков, королевский замок трудно было спутать с чем-либо другим. Величественный и суровый, он стоял у самой кромки моря, на высоком скалистом берегу, как бессменный страж долины и залива, и внушал поданным трепет и веру в королевскую сильную руку. По ночам огни замка служили маяком для бороздящих море кораблей, а на закате остроконечные шпили пяти его самых высоких башен, откидывали на городские кварталы тень, похожую на вытянутые пальцы августейшей руки.

Замок стоял на возвышении и был окружен высокой крепостной стеной, и за этой стеной принимались важные решения и издавались непрекословные указы, принимались послы иных государств и устраивались грандиозные пиры. Почти все золото королевства хранилось в подземельях замка.

За стеной замка были расположены дома городской знати и богатых горожан – удачливых купцов, судей, хозяев ремесленных мастерских, ростовщиков, судовладельцев и собственников доходных домов. Их квартал также был огорожен от остального города земляной насыпью и рвом заполненным водой. Здесь заключались и расторгались договоры, намечались новые торговые пути и финансовые сделки. Тяжелые кошельки серебра здесь передавались из рук в руки и прятались в тайниках.

Ниже, за насыпью располагались кварталы «среднего класса» где жили торговцы мелкой руки, менялы, смотрители, клерки, мастера, ремесленники, а также стояли мастерские и ремесленные артели. Именно здесь ковалась, рубилась и ваялась слава королевства. Именно здесь мастера на все руки создавали оружие и доспехи для королевской рати, седла и сбрую, снасти и паруса, изысканную утварь, резную мебель, музыкальные инструменты, ткали сукно и шили одежду, и делали еще много всего, без чего невозможно было представить ни один зажиточный дом, и что по праву ценилось во всех краях света. Но, в основном, лишь медные монеты были здесь в ходу.

А на самой окраине города, в грязных и убогих трущобах, ютилась городская беднота и всяческая уголовная босота – убийцы, грабители, карманники, проститутки, попрошайки и...

романтики-вольнодумцы – кладезь дешевой рабочей силы и неиссякаемый источник преступлений. Здесь, в окраинных трущобах, тесно переплетшихся с темными подворотнями портового бидонвиля, хватало своих «ночных баронов», «серых епископов» и «сеньоров черного рынка», продававших все и вся: ворованные драгоценности и безделушки, отобранные за долги барахло и проигранные семейные реликвии, честно заслуженные награды и хитростью выманные подарки. Не гнушались здесь торговать и людьми: проигранных женщин продавали в дома терпимости, проигравшихся мужчин в матросы. И лишь здесь, хоть и далеко не у всех, водилось и золото, и серебро, и медь.

Вот каким упорядоченным и в то же время «пестрым» был город Лонтерфол...

Решив срезать дорогу и не делать крюк, рыцарь велел карлику править через город.

– Ваше Высочество, думаю, будет лучше, если мы скроем вас от посторонних глаз, – предложил сэр Рогбир, когда они начали спуск в долину.

– Я не против, – безропотно кивнула леди Марэна, которой с каждой секундной овладевало отчаяние, ибо с каждой секундной приближалась неминуемая встреча с королем, которая могла стать её последней встречей с кем-либо вообще.

Карлик помог принцессе задернуть полог повозки и щелкнул кнутом, подгоняя лошадей.

Спустившись в долину, путники совсем скоро въехали на окраину города. Здесь, на кривых, залитых помоями улочках, сновало много подозрительных людей, которые, завидев путников, с интересом посматривали на повозку, прикидывая, чем бы в ней можно было разжиться. Однако разглядев на передке правящего лошадьми Эйсфо, жуликоватые рожи местных проходимцев расплывались в хитрой ухмылке и прохвосты склонялись в шутовском бандитском реверансе. Эйсфо здесь хорошо знали и уважали не только за его былые «подвиги», но и за исключительную (как они считали) пронырливость – не каждый из их круга мог подвизаться на королевском дворе, пускай и в роли «карлика на побегушках». Об истинном положении коротышки никто из местных воротил и не догадывался.

Одолев без эксцессов закоулки опасных трущоб, путники проехали по более просторным и чистым дощатым мостовым ремесленных кварталов, где проживало немало добрых знакомых сэра Рогибра. Перекинувшись парой слов со знакомыми мастерами, возвращавшимися домой после трудового дня, рыцарь нагнал повозку, которая въезжала на подвесной мост через ров. Увидев дикого рыцаря, стражники пропустили повозку без досмотра. Миновав мощеные камнем улицы «фешенебельного» предместья уставшие вояжеры въехали через южные ворота в королевский замок, минули солдатские казармы, конюшни, склады и завернули на задний двор, откуда можно было незаметно пройти на половину принцессы.

– Ваше Высочество, леди Марэна, мы приехали! – произнес сошедший с коня рыцарь. – Спускайтесь, я провожу вас до ваших покоев.

Марэна отодвинула полог и, подав дрожащую руку Рогбиру, уже без особого смущения сошла на землю по карлику, любезно предоставившему свою спину в качестве ступеньки.

– Почему вы так дрожите, принцесса? Вам нездоровится? – встревожился Рогбир, не хватало еще, чтобы принцесса после всего что произошло, слегла с хворью.

– Нет, все хорошо. Я всего лишь немного устала, – заверила рыцаря девушка, что его опасения напрасны.

– Вам все же стоит поскорее пройти в свои покои. Там, наверняка, вас ждут жарко пылающий камин и мраморная ванна с душистыми травами, – произнес рыцарь и добавил, кивая на отряхивавшегося карлика. – С вашего позволения я скажу пару слов этому охламону и сию же минуту провожу вас.

С этими словами рыцарь отвел Эйсфо в сторону.

– Что, будешь розгами сечь или сразу язык отрежешь? – дерзко осведомился карлик.

– Значит так, отведешь лошадей на конюшню, передашь их конюхам, – пропустил рыцарь мимо ушей вопрос мелкорослого наглеца. – После этого можешь проваливать. На сегодня ты мне больше не нужен.

– Как?! А наказывать меня, что, не будешь?

– Нет времени. Так что можешь быть свободен, как птица в полете.

– Рогбир, птице пару звонких серебряных «зернышек» не помешало бы. Горло промочить и наведаться к знакомым клушам, в одно теплое гнездышко, после сегодняшней жуткой ночи.

– Проваливай, «птица», пока я тебя не общипал!

– Ладно, ладно, обойдусь без твоих подачек, – проворчал Эйсфо. – Ох, не знаю, за какие грехи я с тобой мучаюсь?

– Брысь отсюда! – цыкнул рыцарь и, не теряя больше времени на карлика, повел принцессу по узкой каменной лестнице в её покои.

Передав живую и внешне вполне здоровую Марэну обрадованным нянькам, рыцарь отправился напрямик к королю, доложить о возвращении. Женщины приставленные прислуживать принцессе засуетились, захлопотали вокруг девушки, но прежде чем Марэна успела окунуться в приготовленную ванну, в её покоях появился король Арлинг Великодушный.

При виде монарха няньки склонились в почтённом поклоне. Марэна проследив за их действиями, неуклюже попыталась согнуться в подобной позе.

– Узнаю мою любимую дочь, – стремительно вошедший король, шагнул к принцессе и обнял её. – У нее никогда не получалось раскланиваться в реверансах.

«Это далеко не так просто, как выглядит со стороны», – мысленно согласилась с ним девушка, прижатая к широкой груди Арлинга.

Король взял Марэну за плечи и, отстранив, заглянул в её глаза.

Сейчас все и раскроется, обреченно вздохнула девушка, не в силах отвести полный страха взгляд.

Но, то ли колеблющийся свет свечей, в золоченых подсвечниках, играя бликами в глазах, скрыл еле уловимые изменения, то ли Арлинг был слишком возбужден, чтобы разглядеть метаморфозу, но ничего подозрительного в «зеркале души» своей «дочери» в этот раз он не заметил.

– Вижу я в твоих глазах изнеможение, дитя мое, – после небольшой паузы произнес король. – Я знаю, что сегодня выпало на твою долю. Верный Рогбир также поведал мне о стараниях Гонзанны и поразившем тебя после пробуждения недуге. Но ты не переживай, я верю что ты все вспомнишь. Спокойствие, знакомые места, любимые занятия, родные стены и близкие люди помогут тебе обрести память.

Если бы это было так, вновь мысленно «ответила» королю Марэна, но к вашему сведению, сир, здесь нет для меня ни спокойствия, ни знакомых мест, ни родных стен, ни тем более близких людей, и даже старых, пусть и случайных, знакомых. Конечно, если не считать ведьмы, «дикого рыцаря» и болтливового карлика. Но даже в этом случае я бы не «вспомнила» того, чего никогда и не знала.

– Дитя мое, почему ты все время молчишь? – встревожено спросил король. – Неужели Рогбир сказал мне не все, и ты еще ко всем бедам и онемела?

Было бы неплохо, кстати, закосить под немую, запоздало спохватилась Марэна, но понимая, что теперь уже поздно что-то переигрывать, поспешила успокоить короля:

– Нет, Ваше Величество, говорить я не разучилась.

– Ха! Ваше Величество! – хохотнул король, и как бы обращаясь ко всем, находившимся в комнате добавил. – В кои-то веки, моя дочь назвала меня Величеством, а то все папочка, папенька, а когда сердилась, отцом.

Король с нежностью взглянул на Марэну.

– Дитя моё, можешь называть меня как прежде. Мне приятней слышать из твоих уст «отец». Ведь ты уже вспомнила, или, по крайней мере, поняла, что я твой любящий отец?

– Да, сир!

– Вот заладила! – грустно улыбнулся Арлинг, увидев своими глазами и услышав своими ушами, что его дочь и впрямь в здравом уме, но далеко не в твердой памяти. – Ну да ладно, все образуется. Что же, не смею вас более задерживать. Альмалия, – обратился он к старшей няньке, – позаботьтесь о леди Марэне и уложите её поскорее в постель. Ей надо отдохнуть.

– Будет исполнено, Ваше Величество! – присела в поклоне престарелая женщина с добрым лицом. – Не извольте беспокоиться, сир!

– Хорошо! – кивнул Арлинг. – Спокойной ночи, дочь!

Король столь же стремительно как вошел, покинул покои принцессы. С его уходом свободнее вздохнули не только няньки, но и леди Марэна.

– За дело! – скомандовала Альмалия нянькам и те дружно взялись за принцессу.

Освободив девушку от одежды, няньки помогли ей спуститься в круглую ванну из белого мрамора, вода в которой была усыпана лепестками цветков шиповника и пионов, свежесрезанных в королевском саду. Пока леди Марэна наслаждалась благоухающими испарениями горячей воды, прислуга приготовила постель в соседней комнате – опочивальне принцессы. Окончив омовение, Марэна была расчесана, намащена душистыми восточными благовониями, одета в шелковую ночную рубашку и препровождена в спальню. Выпив чашку горячего травяного напитка и едва прикоснувшись к ароматному печенью, девушка с помощью услужливых дам, забралась в теплую мягкую постель под балдахином и откинулась на пуховые подушки. Няньки, умиленные спокойствием обычно привередливой принцессы, почти искренне пожелали ей приятных сновидений и, погасив свечи, покинули спальню.

Выждав пока возня за дверью затихнет, и, убедившись, что больше её никто не потревожит, девушка откинула балдахин и выскользнула из кровати. Желая еще раз оглядеть королевство, уже с высоты башни, она подошла к высокому окну и распахнула створки витража, спугнув птицу, пристроившуюся за окном на ночлег. Сорвавшись с карниза, потревоженная птаха сердито каркнула и, видимо, решив что ей здесь нормально вздремнуть не дадут, скрылась в темноте, искать более подходящее место для ночлега.

Мысленно попросив прощения у птахи за доставленные неудобства, Марэна окунулась в таинственную теплоту летней ночи. Вечерний морской бриз, ворвавшийся в опочивальню, разметал её старательно расчесанные волосы и принес освежающий аромат морских просторов, оставив солоноватый привкус на губах. Озорник ветер, всколыхнул ткань балдахина, надув её пузырем, но, видимо поняв, что это не бом-брамсель, раздосадовано вырвался на волю, в поисках настоящих парусов. Марэна послала воздушный поцелуй эфирному проказнику, полюбовалась усеянным звездами и знакомыми созвездиями небосводом, по которому плыли редкие облака, и только после этого опустила взгляд вниз. Из окна открывался вид на залитую лунным светом долину с россыпью огоньков засыпающего города, а если немного перегнуться через подоконник и посмотреть вправо, то было видно, как внизу билось о скалы ни на миг не утихающее море. Принцесса смотрела и не могла оторвать глаз от видов сказочной красоты, созданной сплетением стихий.

Жаль. Жаль, что нельзя все это запечатлеть на память...

А еще лучше сделать «селфи» на фоне замка или моря, и выложить фотографии в своих аккаунтах. Её настоящие (!) фотографии, не «отфотошопленные», и тем более, не чьи-то там позаимствованные на просторах интернета. Вот бы все её знакомые обзавидовались. Но ничего идеального не бывает. Придется довольствоваться «малым» – всего лишь положением принцессы.

Улыбнувшись своим мыслям и помахав на прощанье искрам на небе и на земле, девушка закрыла окно и вернулась в кровать.

Уже засыпая в теплой мягкой постели под ажурным балдахином, Марэна-Марина вспомнила слова Гонзанны – к хорошему быстро привыкаешь. Сладко зевая на мягких перинах, девушка почувствовала себя самой настоящей принцессой. После всех чудесных встреч и событий, пережитых за этот короткий промежуток времени, овладевшая ею нега, казалась закономерным продолжением того необыкновенного трехмерного кинофильма, в котором ей досталась заглавная роль. Или все-таки яркое сновидение? Если это так, то утром она проснется в своей съемной комнатке, и с грустью будет вспоминать об этой злой шутке проказника Морфея.

Убаюканная шумом морского прибоя, девушка погрузилась в сон.

Каковым будет пробуждение, продолжением сказки или тяжелым похмельем?

Часть 2. Новое амплуа в «старых» декорациях

Пока леди Марэна, позевывая на пуховой перине, погружалась в сладостную дрему, на другом конце королевства в этот самый миг кое-кто лишился не только сна, но и обычно завидного самообладания.

Герцог Сигфусс был не просто разгневан, он был попросту вне себя от бешенства и не столько от того, что его подняли из теплой постели.

– Тысяча единорогов! Так ты, говоришь, видел её своими собственными глазами? – уже в который раз повторил герцог свой вопрос, буравя суровым взглядом (один глаз дергался в нервном тике, отчего физиономия герцога выглядела еще более устрашающе) тщедушного юнца в черном балахоне, дрожавшего как осиновый лист на ветру перед грозным господином.

– Своими собственными, Ваша Светлость! – через жуткую ломоту в суставах в очередной раз поклонился юноша, больше всего желая оказаться сейчас вдалеке от замка и его хозяина. – Леди Марэна жива и внешне вполне здорова.

– И ты утверждаешь, что она всего лишь потеряла память? – спросил герцог, играя желваками.

– Так говорят в замке, Ваша Светлость, – преодолевая страх и дикую боль в пояснице, прогнулся в очередном поклоне юноша. – Я это слышал из уст самого короля Арлинга Великогодушного.

– И больше ничего? Никаких недомоганий? Мигреней? Расстройств? Коликов?

– Нет даже намека, Ваша Светлость. Принцесса как всегда выглядит бесподобно.

Герцог Сигфусс перевел взгляд на другого человека – пожилого толстячка с меланхоличным выражением на лице, обладавшем еле уловимыми восточными чертами и обрамленном редкой седой бородой. В отличие от юнца, толстячок держался вполне хладнокровно, хотя в его хитрых глазах с характерным разрезом, читалась тщательно скрываемая озабоченность.

– И что ты скажешь на это, чернокнижник?

– Прошу прощения, милорд, я не чернокнижник, я ученый-алхимик, – учтиво, но без подобострастия поклонился толстячок.

– Да мне плевать, как там вы себя называете, алхимиками, книжными червями или гелертерами! – взорвался герцог. – Къётви, ну-ка ответь мне, почему эта глупая девчонка потеряла память. Ведь кое-кто мне обещал, что она отправится в бездну тьмы, туда, откуда никто не возвращается. А эта бесиха Марэна *всего лишь* позабыла, скольким унижениям меня подвергла. Наверняка она восполнит этот пробел в своей «прохудившейся» памяти новыми выходками, которые покрывает её венценосный папаша Арлинг. Что ты там бубнишь? Не слышу!

– Я теряюсь в догадках, милорд, – в ответ на гневную тираду, флегматично развел руками Къётви.

– Что!! Ты теряешься в догадках?! Ты?! Тот, кому я отвел половину своих подземелий под твои чертовые лаборатории для создания философского камня и эликсира бессмертия, и у

которого все время получают лишь яды, да вонючие отвалы, тоже больше похожие на отраву. Ты, тот самый умник, который провонял своей печью подвалы со старым добрым вином, кто заполонил тиглями да аламбиками все кладовки и чуланы. И ты говоришь мне, что теряешься в догадках?! Может ты и в самом деле шарлатан, и твое место на плахе?!

– Милорд не будьте так категоричны в своих суждениях, – поежился Къетви, и ответил, стараясь хоть как-то оправдаться в глазах хозяина. – Во-первых, помимо ядов, зачастую расчищавших ваш путь от врагов лучше чем десятки подкупленных убийц, и лечебных снадобий, которые не раз вас ставили на ноги, у меня здорово получается создавать обратное зелье. Во-вторых, нутром чую я, что здесь не обошлось без колдовства, как минимум без другого умелого алхимика, подобравшего противоядие. И, в-третьих, её беспамятство сможет сыграть нам на руку. Так что, Ваша Светлость, не переживайте по поводу принцессы. Мы с моим учеником Рафнсвартом постараемся разобраться в произошедшем и вернем вам ваше доброе расположение духа и доверие к нам. И еще, милорд, я тут кое что продумал, на случай если вариант с зельем не пройдет...

– К черту, твои умозаключения! – прервал алхимика расстроенный донельзя герцог, – твое дело убрать с моего пути эту проклятую наследницу, а королю и так недолго осталось.

– Именно над этим мы сейчас и работаем, милорд, – поклонился Къетви и попытался прочь из помещения, сообразив, что аудиенция окончена. За ним, согнувшись и прихрамывая на обе ноги, засеменил его ученик, мысленно проклиная обратные зелья учителя.

– Делайте что хотите, но принцесса должна сгинуть! – бросил им вслед герцог Сигфусс.

– Всенепременно, милорд! – раздалось из темноты коридора. – Всенепременно!

Стук двух пар деревянных башмаков по каменным ступеням винтовой лестницы, ведущей в подземелье, отразился эхом в сонном замке. Алхимик и его незадачливый ученик, невзирая на поздний час, поспешили в свою обитель.

Несмотря на то, что герцог Сигфусс отдал под нужды алхимика один из самых больших подвалов подземелья, из-за большой алхимической печи – атаноры – с мехами и многоколенным дымоходом, огромного верстака, заставленного колбами, аламбиками и мензурками, соединенными замысловатыми змеевиками, а также нагроможденных по углам молотков, щипцов, ухватов, и разной утвари, как-то бутылки, кувшины, бочонки, коробка с разными специфическими веществами и суспензиями, лаборатория казалась тесной и мрачной. Единственное закопченное оконце в помещении было под сводчатым потолком и выходило во внутренний дворик. Вопреки гнетущей атмосфере подземной лаборатории, Къетви чувствовал себя здесь в своей тарелке, ведь именно его потугами, бывший винный погреб превратился в настоящий алхимический вертеп. Другим же, включая герцога и ученика Рафнсварта, в этом пропахшем серой и щелочью подземелье было не по себе. Наверное, оттого, что все здесь было для них слишком непонятным, а непонятное, как известно, пугает не менее, а порой и несравненно более уже известных страхов.

Алхимик же, как настоящий фанат своего дела, готов был проводить здесь все свое время, что он собственно и делал. Лишь изредка покидал Къетви свою юдоль, забираясь высоко в горы, где встречался с темными личностями из горных пещер, чтобы пополнить запасы таинственных ингредиентов, для эликсиров, снадобий и зелий. Обычно в путь он отправлялся один, но иногда компанию ему составлял Рафнсварт – толковый малый, однако чересчур боязливый и мнительный. Къетви выбрал его в свои ученики, разглядев в парне потенциал, но пока что использовал его лишь в качестве мальчика на побегушках, подсобного рабочего и, как уже было сказано выше, лазутчика, а также для выполнения еще кое-каких щекотливых поручений, параллельно наблюдая за ним как за подопытным кроликом. Как гласило одно

из многочисленных правил кодекса алхимиков – настоящий ученик должен созреть, – как благородный металл созревает из неблагородного путем особых «алхимических» трансмутаций. И Къетви, дословно воспринимая данную «формулу», пичкал безропотного Рафнсварта не только большим количеством второстепенной информации, но и своими «колдовскими» настойками. Справедливости ради стоит заметить, что если в приготовлении ядов-отрав еще кто-то мог тягаться с Къетви, то в плане возгонки оборотных зелий ему практически не было равных. Тут он достиг таких высот, что мог по одному оттенку полученного экстракта сказать, на какое время хватит его действия. И вот все эти снадобья алхимик совершенно безбоязненно проверял на ученике.

Сам Къетви был родом из одного далекого княжества, стоявшего на границе с сарацинскими землями. Его мать, уроженка соседней Элькалии (вот откуда у голубчика восточные черты), была, скажем так, «танцовщицей», в одном из кутежных заведений. Отца своего Къетви не знал, как не знала его и не по-восточному ветренная мать. Однако она уверяла своего сынишку, что в нем течет кровь сразу нескольких достойных господ княжества (что вполне можно было бы считать сущей правдой, если знать, сколько знакомых и незнакомых мужчин она принимала в своем будуаре за ночь, и не знать таинства зачатия). Красота и страстность восточной женщины привлекала в сомнительное заведение далеко не последних мужей города, искавших любовных утех на стороне, в дали от опостылевшего семейного очага. Так что, вполне возможно, что отцом Къетви мог быть кто-нибудь из высокородных пэров или благородных сэров, а мог быть и обычный бродячий менестрель, чей голос в одну из лунных ночей покорила влюбчивую и безотказную девушку. В общем, вариантов было много, но Къетви, став постарше, вбил себе в голову, что его отец ни какой-нибудь там бродячий трубадур или странствующий рыцарь, а сам Ибль-Мульхин, широко известная в узких кругах личность. Легендарный сарацинский алхимик Ибль-Мульхин, тоже, кстати, вполне возможная кандидатура на отца, бывая в городе по сугубо профессиональным делам, не раз тайком наведывался в опочивальню танцовщицы и не только для того, чтобы преподнести ей в дар склянку с молодильным зельем. А если учесть тот факт, что уже с младых ногтей Къетви тянулся к алхимическим мистериям с их теорией четырех элементов и первичной материи, то это многое могло объяснить. Но все-таки госпожа История умалчивает о том, кто же все-таки был его биологическим отцом, а досужие домыслы не в счет.

В общем, став постарше, Къетви выбрал свою стезю раз и навсегда, навязавшись престарелому Ибль-Мульхину в ученики. И, надо полагать, что на этом поприще у парня проявились завидные таланты, потому как слухи о его опытах вскоре разошлись по всему Срединному Межземелью, да и бывалый алхимик не мог нарадоваться такому смышленому и упорному ученику. Къетви прочили большое и светлое будущее, ради которого он с завидным упорством горбатился в маленьких и темных лабораториях.

И, наверное, так бы все и произошло, и уже повзрослевший и возмужавший алхимик занял бы достойное место среди других легендарных личностей их нелегкой профессии, если бы не одно досадное недоразумение.

Подрядился подросток и оперившийся Къетви у одного султана поалхимичить, для наложниц его многочисленного гарема произвести энное количество чудодейственных мазей, кремов и благовоний. Для него перегонка масел и их смешение в необходимых пропорциях было делом пустячным, однако давало возможность на досуге заниматься в роскошной лаборатории султана опытами по поиску и сотворению философского камня и эликсира бессмертия, двух самых желанных для всех алхимиков веществ. Ну и, сложно было не догадаться, дело-то молодое, холостое – не устоял Къетви, спутался с султановскими наложницами. Пустился, как говорится, во все тяжкие. Да и это еще полбеды. Султан в этом отношении был человек не жадный.

Лихая беда случилась в одну из жарких лунных ночей, когда алхимик принимал в своей лаборатории одну из очередных отважных посетительниц с верхних этажей дворца (надо сказать, что лаборатория находилась аккурат под той частью здания, которая была отведена для гарема, что существенно облегчало алхимику возможность встреч с зачастую изнывавшими от скуки наложницами). Къетви настолько увлекся любовными утехами с чернокожей Балимбой, такой же жаркой озорницей, как и та южная страна, откуда она была родом, что совсем забыл про алхимический горн, в котором происходило Великое Делание.

В Атаноре в это время как раз выпаривался очередной таинственный претендент на философское яйцо – вещество густое, вязкое и трудновозгоняемое, для которого нужен был большой жар. Жар, в свою очередь, избавляя вещество от водянистости, поднимал давление в верхней части печи – так называемом куполе или шлеме. Это давление необходимо было периодически стравливать таким образом, чтобы и температура внутри средней части горна, где покоилась возгоняемая субстанция, выдерживалась, и не произошло разгерметизации Атанора.

Любвеобильный Къетви, всю занятый менее возвышенным «таинством», а вернее удовлетворением низменных страстей, совершенно позабыл и об алхимической печи и вообще обо всем на свете. А когда давление в куполе горна достигло критического уровня или, говоря простым алхимическим языком, сгустилась мощная сила духов в тесном теле горна, произошло то, что должно было произойти. Атанор, а вместе с ним и вся лаборатория, были разворочены оглушительной взрывной волной, выплеснувшейся из горна под давлением жара. Предмет гордости султана – новый дворец с фонтанами и высоченными башнями, слава богу, устоял, но его отделанные лепниной стены и украшенные фресками своды покрылись паутинами трещин, многие из которых е были в палец толщиной. Оглушенный и ошарашенный Къетви понял, что здесь ему больше ничего не светит и, воспользовавшись всеобщей суматохой и неразберихой, шустренько сбежал из дворца.

Разгневанный султан, без труда выявив виновника «торжества», назначил за голову Къетви хорошую награду, а также, особо не надеясь на энтузиастов-добровольцев, послал по его следу лучших ассасинов южного побережья Срединного моря – хашабахов – профессиональных наемных убийц, одно имя которых наводило ужас на обитателей Пограничья.

Коллеги – алхимики не рискнули связываться в противостояние с могущественным султаном, отказавшись давать укрытие и защиту своему собрату, который, к тому же, променял великое таинство Делания, на любовные утехы с чужими женщинами. Поняв, что помощи в этой стороне ждать неоткуда, перетрусивший Къетви принял решение покинуть знакомые ему края и пойти вслед за Солнцем. Солнце, которое в алхимии символизировало золотое мужское начало, и которому любой алхимик если не поклонялся, то бесконечно доверял, должно было привести его в те земли, где он без страха быть узнанным, мог вновь начать все с чистого листа, точнее с прозрачной реторты. Но только в этот раз Къетви поклялся себе, что впредь не допустит ничего подобного, ибо навек алхимик усвоил урок, что все злключения и горести происходят под эгидой Селены – лунного символа женского начала, которое с помощью демонов, заключенных в женских телах разрушает созданный мужчинами мир.

Свою вину в произошедшем Къетви ни в какую не признавал.

Все беды от женщин и точка!

Так бродячий и гонимый отовсюду алхимик оказался в замке сурового герцога Сигфусса, человека, который по своей натуре был не менее ярым женоненавистником, считавшим, что женская доля – готовить пироги и щи, и ублажать мужчин, но никак не властвовать над людьми, какой бы распрекрасной принцессой она не была.

Видимо на этом взаимном интересе алхимик и герцог, две родственные гнусные души, и сошлись.

Ну, а пока длился этот короткий экскурс в прошлое одного из героев нашего романа, сам алхимик и его ученик уже спустились в святая святых – в лабораторию.

– Рафнсварт, будь добр, завари-ка мне успокоительного зелья в моей излюбленной порции, – опустившись в стоявшее в углу кресло, сказал Къетви. – И капни в него чуточку сублимированной патоки.

– Будет исполнено, учитель, – кивнул ученик и отошел к верстаку с разнокалиберными сосудами и склянками.

– Хорошо. А я покамест обмозгую, что же такого во дворце короля могло произойти.

Къетви прикрыл глаза и погрузился в раздумье.

Спустя несколько минут душистый аромат отвара отвлек алхимика от мыслительного процесса, в котором он силился понять, где допустил ошибку в формуле нового вида яда – изгонятеля душ – спиритуальная сущность коего была обнаружена им во время одного из опытов в осадке агрессивных солей аммона.

Хлебнув тонизирующего и вместе с тем убаюкивающего разум напитка, Къетви подумал-подумал и пришел к выводу, что виной всему женщина. Естественно не Марэна – эта несносная девчонка сама бы не выкарабкалась из лап вечности – а другая, пока ему неизвестная, но уже ненавистная. Алхимик и сам не знал, отчего ему взбрела в голову именно эта мысль, но чуть подсказывало, что все дело в незнакомке. Еще раз прокрутив в просветлевшей голове весь процесс приготовления зелья, он удостоверился, что в его яде изъяна не было, да и мудрое высказывание одного уважаемого алхимика – «шерше ля фам» – смысл которого Къетви понял не так давно, указывало на то, что здесь опять не обошлось без Селены и её приспешниц. А если так, то придется продолжить слежку и выяснить, кто противостоит его алхимическому «величеству».

– Рафнсварт, голубчик! – окликнул он хозяйничавшего у верстака ученика. – Подойди-ка!

– Слушаю вас, учитель! – остановился напротив кресла юноша.

– Рафнсварт, ты ведь знаешь, что я очень ценю тебя как своего ученика, – зашел издалика алхимик.

Смышленный ученик уныло кивнул, нутром чуя, что этот разговор ему ничего хорошего не сулит.

– И я бы никогда не стал бы тебя заставлять делать что-то, что причинит тебе неудобства, – продолжил Къетви, наблюдая за настроением ученика.

«Как бы не так», мысленно парировал Рафнсварт, однако вслух лишь что-то неразборчиво пробормотал.

Что он пытался сказать, алхимик не понял, но переспрашивать не стал, потому что по большому счету ему было неинтересно мнение ученика.

– Так вот, – сказал алхимик, – в этом темном деле с принцессой Марэной нам придется досконально разобраться и выяснить, кто виноват и что делать с виноватым. А для этого тебе вновь придется немного понаблюдать, последить за принцессой и окружающими её личностями. Сам понимаешь, кроме тебя мне положиться не на кого, а дело надо довести до его логического завершения.

– Но учитель, дайте мне хотя бы несколько дней для передышки, – жалобно протянул Рафнсварт. – У меня все тело ноет после превращений. Кости ломит, мочи нет! Эта боль невыносима!

– Ну-ну, голубчик, не сгущай краски, – по-отечески попенял ему Къетви. – Мое обратное зелье практически не имеет побочных эффектов. А кости у тебя на погоду ломит. Так

что давай, Рафнсварт, не увиливай, все равно кроме нас с тобой разбираться некому. Или ты хочешь, чтобы герцог Сигфусс сам с нами разобрался?

Естественно юноша не хотел, чтобы лорд Сигфусс с ними «разобрался». Он не понаслышке знал про изуверские методы герцога «разбираться» с неугодными ему людьми. Да и Къетви тоже был не подарок. Мог запросто напоить каким-нибудь новым эликсиром, чтобы посмотреть, что у него в очередной раз получилось.

Так что, лучше уж опять обратного зелья хлебнуть. Оно хоть проверенное.

– Опять в ворону? – подавленно спросил ученик.

– Не в ворону, мой дорогой, а в ворона! Ворон птица уважаемая и легендарная. С ним много примет связано, из-за чего в него даже мальчишки не смеют камнями кидаться.

– Если бы кошки еще понимали это. А то в прошлый раз меня один котяра едва не сцапал на крыше замка. Еле успел улететь.

– О, да! Тут я с тобой согласен, – продолжал алхимик заговаривать зубы ученику, – Коты это самые хитрые и загадочные звери. Поверишь, коты единственные, под кого не могу обратное зелье подобрать, сколько не старался. А все почему? А потому что они, сдается мне, все без исключения с нечистой силой водятся. Так что с их братом ты, конечно, будь начеку. Но не забывай и о том, что у тебя на шее всегда есть пузырек с возвратным эликсиром. Ежели сцапает какой котяра, клювом затычку выбил, глотнул пару капель и опять в человека обернулся. Но это, само собой, в самом крайнем случае. Вдруг кто увидит... – алхимик поднялся из кресла и развел руками, – сам знаешь, что с обратными делают. Серебряным клинком по горлу и в канаву. А тебе и простого ножа под ребро хватит. Так что, смотри мне, будь настороже. Ты мне нужен живой и здоровый.

Вместо ответа юноша лишь понуро вздохнул.

– Ну, все, хватит печалиться! Не на смерть же я тебя отправляю, а на приключение, – попытался подбодрить ученика алхимик, доставая из тайника в стене настоящее обратное зелье.

– Держи, вот! – Къетви открыл склянку и передал её Рафнсварту. – Постарайся разузнать, что произошло вчера ночью в замке короля. Любые странности. Болела ли принцесса, и если болела, то кто из лекарей к ней приходил. А может, её к кому возили. Прачки, стряпухи, те же няньки, могут между собой всякую чепуху болтать – у баб язык без костей – да и проговорятся. Женщины ведь болтливы как сороки. Ты же, голубчик, в теле ворона, все что подозрительное и даже чудное услышишь, на клюв наматывай. Любая зацепка нам может пригодиться. Понял?

– Угу! – кивнул Рафнсварт, с вселенской грустью поглядывая на бутылку.

– Ну, тогда пей и в путь, – хлопнул его по плечу Къетви.

Юноша не стал артачиться и сделал несколько глотков из склянки.

В следующую минуту с сильным хрустом он стал медленно уменьшаться в размерах. Началось превращение. Из пор на коже юноши полез птичий пух, который очень быстро становился перьями; его голова и лицо, уменьшаясь, вытягивались; нос и челюсти превращались в птичий клюв; руки в крылья, а ноги в вороньи лапки с когтями на кончиках.

Спустя несколько минут на том месте, где стоял бедолага Рафнсварт, валялась его накидка, поверх которой сидел, вертя головой, иссиня-черный птах.

– Вот видишь, дурашка, как быстро в этот раз ты обернулся, – сев на корточки алхимик погладил юношу-птицу. – С каждым разом все легче и легче тебе дается.

Ворон недовольно гаркнул и взмахнул крыльями, как бы говоря, что ничего ему с каждым разом не легче.

– Но-но, Рафнсварт, не ругайся! Это некрасиво по отношению к старшим.

Къетви шутливо погрозил птахе пальцем и нацепил ей на шею кожаный шнурок с маленьким пузырьком из черного хрусталя.

– Ну, теперь ты готов к приключениям. Эх, завидую тебе, будь я помоложе... Ну дал ладно.

Алхимик взял ворона на руки и посадил его к единственному окошку под потолком лаборатории.

– Лети Рафнсварт! Расправь свои крылья и держи клюв по ветру!

Ворон, протиснувшись в оконце, заунывно прокаркал и, захлопав крыльями, взмыл в темное небо.

– Совсем другое дело, – проводив своего «оперившегося» шпиона, алхимик с чувством выполненного долга налил в кружку полпинты банального эля (не эликсира, нет) и залпом выпил. – Теперь можно и вздремнуть.

Къетви забрался в дальний угол лаборатории, где у него был устроен лежак и завалился на боковую. Вскоре над колбами и аламбиками разлилось переливчатое храпение умудренного жизнью алхимика, который от своих старших коллег не раз слышал что «утро вечера мудренее».

А на востоке уже забрезжила утренняя зоря, и для кое-кого разгорающееся утро не сулило ничего хорошего.

– Вот, значит, где ты пристроил свое «хозяйство», малорослый прохвост! – со злорадным облегчением промолвил Рогбир, протиснувшись в темную конуру на заднем дворе одного из многочисленных борделей, затерянных в грязных переулках городских трущоб. Рыцарю пришлось снять шлем и склонить голову, чтобы не задеть темечком низкий потолок помещения.

В помещении стояла страшная вонь, в которой смешались запахи резкого мужского пота, дешевого рома и дешевых же благовоний (если можно было так назвать, те смолы и эфирные масла, которыми пользовалась местная публика).

Брезгливо осмотрев загаженную комнатку, Рогбир остановил взгляд на её главной достопримечательности.

Перед ним, на соломенных тюфяках, разложенных прямо на земляном полу дрых в обществе трех поистрепанных потаскух его верный боевой товарищ.

Практически в одиночку осушивший намедни галонный бочонок с ромом, Эйсфо лежал нагишом, даже во сне продолжая крепко обнимать своими короткими, но цепкими ручонками ночных подруг. Утомленные распутницы, в свою очередь, так нежно прижимались к волосатому карлику, что все вместе со стороны выглядели прямо каким-то счастливым восточным семейством, в которых, насколько знал рыцарь, испокон веков практиковалось многоженство. Живописный вид спящего квартета у стороннего наблюдателя, лишенного элементарной стыдливости, мог вызвать умиление. Но только не у Рогбира.

Насилу отыскав в трущобах неприхотливого карлика, рыцарь не собирался умиляться видом голых задниц и других прелестей, и тем более дожидаться, когда они соизволят проснуться.

Бесцеремонно распиная блудниц, Рогбир приказал одной из них принести кувшин с водой, который выплеснул на продолжавшего кемарить Эйсфо. На удивление холодная ключевая вода практически не подействовала на спящего, по крайней мере, не вызвала того эффекта, которого ожидал Рогбир. Вместо того, чтобы вскочить как ошпаренному (как это бывало не раз) и огласить благим матом еще дремлющую после бурной ночи городскую окраину, Эйсфо лишь утерся краем тюфяка и перевернулся на другой бок, бормоча сквозь сон несвязные проклятия.

– Эй, пропойца, вставай! Хватит дрыхнуть!

Рогбир схватил карлика за плечи и, подняв того в воздух, немилосердно затряс его как тряпичную куклу. После энергичной встряски Эйсфо открыл затуманенные глаза и сфокусировал взгляд на нависшим над ним рыцарем.

– О-о, Рогги! Дружище! Как ты меня нашел?

– По запаху!

– Хе! Не зря говорят, что ты верный пес короля! Вон какой нюх! Хе-хе!

– Заткнись, коротышка! – положил руку на рукоять меча Рогбир.

– Сам заткнись! – огрызнулся карлик, совсем не испугавшись нахмурившегося рыцаря. – Ты, вообще, здесь какими ветрами? Кто тебя сюда звал?

– Соскучился, по твоей пропитой роже! С ног сбился, так хотел посмотреть на тебя во всей твоей нагой красе в обнимку с престарелыми подстилками.

Рогбир поставил Эйсфо на пол и, удостоверившись, что тот довольно крепко держится в вертикальном положении, отпустил последнего и сделал шаг назад.

– Шутишь, да? – несмотря на жуткую кашу в голову, догадался карлик и пьяно икнул.

– Само собой, недоумок! – взорвался Рогбир. – Только это называется не шутка, а сарказм, хотя откуда тебе знать такое заумное слово. Сарказм меня только и удерживает от того, чтобы не задать тебе хорошую взбучку.

– Видимо это очень хорошее слово, твой срак... и-ик... сраказм...

– Сарказм, тупица!

– Неважно! Из твоих уст оно звучит именно так, – парировал Эйсфо, оглядываясь в поисках своих портков, – Так вот, этот твой «сраказм» хорош, коли мешает тебе верзила, пришибить маленького и безобидного человека. Сироту всякий обидеть норовит.

Понятно, что карлик лукавил, попросту провоцируя своего друга громилу. Все знали, каков был в деле коротышка, а здесь, в тесноте комнатухи у него и его коротких ножей (вот бы найти их еще!) было преимущество перед любителем просторных ристалищ и длинных мечей, Рогбира. Конечно, до драки между ними редко доходило, тем более до поножовщины, но все могло произойти подле этого непредсказуемого карлика, да еще болевшего после ночной пьянки.

Поэтому, чтобы не накалять обстановку, рыцарь пошел на попятную. Все-таки у него было иное задание.

– Короче, я пришел за тобой по велению сюзерена Арлинга Великодушного. Он тебя хочет видеть!

Хоть карлика еще здорово пошатывало, но от данного известия он остолбенел. Внимательно посмотрев на своего товарища, он сделал правильный вывод.

– Сейчас, я так понимаю, ты не шутишь?!

– Нет, не шучу! Собирайся, король приказал доставить тебя к нему в кратчайшее время!

– А что случилось?

– Я не знаю, но монарх весьма озабочен.

– Да? Это нехорошо! – карлик, наконец, обнаружил в углу комнаты свою одежду. – Но если что, дружище, знай, что я вчера не брал те серебряные подсвечники в замке.

– Что!!! Какие, к чертям, подсвечники?! – приглушенно процедил Рогбир, чтобы не услышали чужие уши. – Ты что умудрился вчера обокрасть замок короля?!

– Ой! Да никого я не обкрадывал! – натягивая штаны, отмахнулся Эйсфо. – Просто, эти напыщенные плуторожие лакеи могли их сами стащить, а на меня могут показать. С них станется.

– Ладно, насчет этого мы с тобой попозже поговорим, – сурово сказал Рогбир и позвал ожидавших в соседней комнатке женщин. – Приведите это отвратительное существо в порядок. Помойте его, причешите, заштопайте ему прорехи в платье.

– Но мы куртизанки, а не... – попыталась опротестовать указание одна из распутниц.

– Цыц, мокрицы! – рявкнул рыцарь и для пущей убедительности ударил кулаком по стене. От удара все строение вздрогнуло, но устояло. – У вас на все про все четверть часа. Я и так задержался в ваших мерзотных трущобах.

Рогбир обернулся к карлику.

– Я подожду тебя на свежем воздухе, – рыцарь подошел к дверям и, оглянувшись на сгрудившихся в сторонке женщин, добавил с усмешкой: – А вам советую здесь прибраться и проветрить. Куртизанки, мать вашу.

Дверь за рыцарем закрылась с громким хлопком, оставив наедине карлика и испуганных полуголых женщин.

– Ну чего встали как три дуры! – прикрикнул на них Эйсфо. – Слышали, что сказал этот рыцарь? Приводите меня в порядок! Меня ждет сам, Его Величество!

Карлик предположил, что если Рогбир еще не в курсе насчет стыренных им подсвечников, то, значит и лакеи, по собачьи обожавшие дикого рыцаря и всегда в первую очередь жаловавшиеся ему на Эйсфо, тоже ничего не заметили, а значит, король его желает видеть в связи с чем-то другим.

Возможно, Его Величество нуждается в его услугах, по каким-то темным делишкам, в решении которых коротышка был большой дока. А раз так, то это утро, даже с учетом похмелья, конкретно для него было не таким уж худым.

Совершенно иное было пробуждение у принцессы.

Когда солнечные зайчики, разноцветные из-за витражей, добрались до пуховой подушки, на которой покоилась прелестная головка Марэна, вокруг кровати на резных столиках уже стояло несколько хрустальных ваз со свежесрезанными цветами из королевского сада. Украшенные каплями утренней росы, цветы благоухали, наполняя пьянящим ароматом просторную спальню принцессы.

Потревоженные лучами пушистые ресницы девушки затрепетали, веки дернулись разок-другой и принцесса открыла глаза.

Легкая ткань балдахина колебалась от дуновения утреннего ветерка, проникавшего сквозь приоткрытые двери балкона, через которые виднелись в вышине легкие сизые облака, плывшие в лазурном небе, под которыми, расправив темно-серые крылья, парили в незримом течении воздушных струй белые альбатросы-буревестники.

Девушка поднялась на локте, огляделась и на всякий случай ущипнула себя.

Нет! Это не было чудным сновидением!

Она проснулась! Она в ясном уме и твердой памяти! И она... принцесса! Самая настоящая, а не театральная принцесса!

Мысли о «твердой памяти» напомнили девушке об её «амнезии», отчего это волшебное утро было слегка омрачено. Однако долго переживать в одиночестве ей не пришлось. Впорхнувшие в спальню няньки, подняли принцессу с постели, умыли, усадили перед огромным зеркалом и принялись расчесывать её шелковистые волосы, игравшие янтарем в преломленных витражами лучах.

Пока одни из нянек хлопотали над девушкой, другие сервировали столик, уставив его тарелочками, блюдецками и чашками с вареньями, янтарным медом, свежими булочками и печеньями, восточными «рахат-лукумами», заморскими фруктами, лесными ягодами и орехами, фаршированными всякой вкусностью перепелиными яйцами, кусочками мраморной ветчины и ломтиками восхитительного сыра с голубыми прожилками. А аромат горячего шоколада силился перебить изысканное амбре пестрых цветов.

Едва дождавшись окончания обязательных утренних процедур, Марэна уселась за столик с яствами и, уже не сдерживаясь, стала с отменным аппетитом поглощать (да, пожалуй, это самый подходящий глагол для описания завтрака принцессы) еду.

Няньки не могли нарадоваться на свою вскормленницу. С таким «рыцарским» аппетитом она быстро поправится и войдет в тело, а то ведь худая как веточка вербы. Раньше-то леди Марэна к еде была равнодушна, оттого, наверное, и злая была. Но ничего, ежели так и дальше пойдет, то все изменится. Точно изменится. Хорошего человека должно быть много.

– Кушай, кушай, наше солнышко ясноглазое, – с нежностью глядя, как уплетает за обе щеки Марэна, произнесла старшая смотря Альмалия. – Главное чтобы в лошадку корм. Давно вам поправиться надо, Ваше Высочество. А то сызмальства все нос воротили от яств изысканных, словно от похлебки луковой. Как птичка-невеличка кушала. И в чем только душа держалась.

Все это было сказано с искренней теплотой, но на Марэну слова няньки произвели обратный эффект. Принцессу словно ушатом холодной воды окатило. И кусок пирога в горле встал, едва не поперхнулась.

Аппетит у девушки, словно корова языком слизала.

Марэна отложила сдобу и отодвинула тарелки со сладостями.

– Спасибо, я наелась.

Няньки, хлопотавшие вокруг принцессы, неодобрительно заохали.

– Да что же вы Ваше Высочество, так нас огорчаете, – всплеснула руками дородная Альмалия. – Отведайте еще душистых ватрушек с медком. Вам сил набраться надобно.

– Благодарю, я действительно не голодна, – вежливо, и вместе с тем непреклонно ответила принцесса, бесстрастно посмотрев на няньку.

Сделав несколько плотков шоколада из фарфоровой чашки с золотыми вензелями, Марэна промочила губы салфеткой и поднялась.

– Благодарю! Можете уносить.

В голосе девушки прозвучали привычные для нянек повелительные нотки.

Няньки, помня крутой нрав девушки, и не теша себя иллюзиями по поводу её странного поведения, не стали ее больше уговаривать, чтобы не получить, как часто бывало, нагоняй. Принцесса не успела и глазом моргнуть, как проворные смотрухи освободили стол от еды.

Честно признаться Марэна встала из-за стола с чувством легкого голода, как и предписывают диетологи. Конечно, если бы не своевременное напоминание Альмалии, то она бы еще долго блаженствовала, вкушая изысканные лакомства и... подготавливая благодатную почву для набора веса в чужом теле, в котором ей к сожалению, или к счастью, недолго было суждено оставаться. Девушка даже ни на секунду не сомневалась в том, что уже в следующее полнолуние она вновь окажется в своем родном мире, а бедная душа настоящей принцессы, потугами мудрой ведьмы Гонзанны возвратится в эту великолепную оболочку, которую прежняя хозяйка холила и лелеяла, и, по всей видимости, держала на строгой диете.

Марэна-Марина, как порядочная девушка, не понаслышке знавшая каково это жить «жизнерадостной пышкой», просто не могла себе позволить испортить лишними килограммами такую точеную фигурку, которой она в настоящее время любовалась в огромном зеркале. Также она прекрасно понимала, что принцессам любых форм, размеров и весовых категорий, в любом случае достанется какой-никакой, а самый настоящий наследный принц, а то и королевич молодой, но все же ей хотелось вернуть тело хозяйке в лучшем виде, чтобы потом никто не поминал её крепким словом. Да и вообще, если уж представился случай без изнурительных тренировок и диет, хоть ненадолго побыть обворожительной «фотомodelью», то это дело чести не только не испортить, но и по возможности улучшить это сногшибательное тело.

Вот истинная причина отказа принцессы от поистине королевского завтрака. Марэна надеялась, что у нее хватит силы воли устоять перед искушением обеда, ужина и остальных приемов пищи, не только сегодня, но и в ближайший месяц.

Итак, несмотря на то, что завтрак хоть и с усилием воли она отвергла, все же солнечное утро, благоухающее свежесрезанными цветами, было добрым и для принцессы. Хотя для полного счастья, забавы ради подумала Марэна, не мешало бы замутить с каким-нибудь принцем, ну на худой конец с герцогом, чтобы было что вспомнить.

Однако не у всех это утро было добрым...

По забрызганным кровью вискам, откуда-то из глубины веков, тревожным колоколом выстукивало знакомый до боли мотив. С каждым ударом содрогалось израненное в схватке тело, призывая превозмочь боль и подняться над серым саваном поля битвы. Собравшись с мыслями, воин вспомнил этот незатейливый мотив – так стучало его бесстрашное сердце. Оно настойчиво звало его вперед, к жизни, к продолжению полной невзгод и лишений дороги.

Столкнув локтем с себя одного из поверженных врагов, Карюино выбрался из-под груды остывших тел и перевернулся на спину.

– М-да, вот тебе и вздремнул в тихом и безлюдном месте, – пожаловался он нависшим над ним небесам.

На бледном предрассветном небосклоне встревожено мерцала одинокая звезда, его звезда. Это был добрый знак. Путеводная звезда не оставила его. Она терпеливо ждала, когда упрямый человек сможет продолжить свой путь.

Поднявшись на ноги, Карюино сорвал пучок травы и вытер окровавленный, с налипшими комьями черной земли и лоскутами красного мяса, одати – меч подаренный ему сансеем Рюэдзином. Верный клинок вновь заблестел, отражая усталое лицо хозяина, с неизменной немного ироничной улыбкой на устах. Благодарно кивнув мечу, мужчина вернул его в ножны. Подобрав свои пожитки, он накинул на плечи плащ, и, пошатываясь от усталости, двинулся прочь от места битвы под недовольные крики вороньей стаи.

– Можно подумать, – усмехнулся Карюино, обращаясь к налетевшему воронью, – будто на мне свет клином сошелся и кроме моей костлявой плоти вам здесь больше нечем утолить голод. Не привередничайте, пируйте теми, кто остался лежать. И советую поспешить, пока шакалы не набежали. А мне надо идти.

Ещё недавно стремительный и грозный как лесной пожар, воин, вновь стал неторопливым и спокойным, словно равнинная река, путником.

Вороны нехотя разлетались, пропуская выжившего в неравном бою человека, чтобы затем вернуться к коченевающим телам, поблекшие глаза которых с застывшей в них слепой ненавистью смотрели в небо.

Когда путник взобрался на холм, звезда застенчиво спряталась в облаках.

Увидев его живым, обычно молчаливое небо не сдержало эмоций и троекратно прогреготало грозowymi раскатами, приветствуя своего любимца.

Так и быть, решило небо, пусть живительная вода теплого летнего ливня омоет и заживит его раны.

Карюино улыбнулся первым каплям. Стянув с головы капюшон плаща, он подставил лицо ласковым струям. Мужчина любил, когда небо баловало его теплым дождем.

Карюино некогда был прилежным и смышленным учеником Рюэдзина, схватывавшим все на лету. Мудрый сансей Рюэдзин, в редкие минуты благодушия, ему не раз говорил, что тот

может достичь высокого мастерства и стать не просто искусным воином и мудрецом, что само по себе уже редкость, а ни много ни мало – повелителем стихий.

Старик «Рю» или тот, кто скрывался под личиной старца, говоря так, не празднословил, перепив рисовой водки. Этот «пьяный мастер» прекрасно знал чего стоит юноша и во сколько раз «дороже» он станет, когда закончит обучение. У Рюэдзина было не только отменное чутье, но и огромный жизненный опыт.

Никто точно не знал, сколько сансэю минуло лет, но старики говорили, что еще, будучи сопливыми мальчуганами, встречали извечного бродягу Рюэдзина – уже такого же с виду старого, как и нынче – на своем жизненном пути. Про него в Стране Первого Луча ходило много всяких легенд и историй, но также как никто точно не знал его возраста, так и никто толком не знал кем он был на самом деле и откуда явился в их дивный гористый край тысячи островов, где по весне на склонах гор расцветали восхитительные скромницы сакуры. Все обитатели островов давно уже считали старца неотъемлемой частью своей жизни.

Когда Рюэдзин появлялся ранним утром в какой-нибудь деревне, то вокруг него сразу собиралась толпа возбужденных сельчан. Люди считали доброй приметой появление «вечного странника» в их краях. Они искренне верили, что внешне неприметный старик, постигший тайны мира, управляет стихиями, или, по крайней мере, «договаривается» с ними, тем самым обуздывая разрушительные ураганы, отводя от селений разорительные грады, поворачивая вспять налетающие с океана шторма. Но не только поэтому старого «Рю» повсюду встречали лучше, чем высокородных наместников императора, как минимум, с большей теплотой и искренней радостью. Его приход сулил добрый урожай или хороший улов (в зависимости от того в какой местности он появлялся). Однако гостившего в местечке старца стремились не только хорошо угостить, несмотря на то, что он практически ничего не ел, а из напитков предпочитал лишь рисовую водку, но и приносили к нему для благословения своих грудных детей. Некоторые из родителей втайне надеялись, что приходу сансэя деревня обязана именно появлением на свет именно их ребенка, так как люди поговаривали, что мудрый Рюэдзин подыскивает себе достойных учеников. А люди зря болтать не будут.

Несмотря на свой бедный наряд, Рюэдзин был вхож и в дома знати, и даже в Юtimiкидо – роскошный императорский дворец. Стражники-наблюдатели узрев согбенную фигуру старца еще на дальних подступах к дворцу, докладывали об этом своим начальникам. Те, в свою очередь, рапортовали ближнему окружению и уже через несколько минут после появления Рюэдзина в окрестностях дворца, об этом узнавал сам император. И вне зависимости от того чем Солнцеподобный в это время занимался – принимал судьбоносные для страны решения, отдыхал или проводил военный совет – он бросал все дела и лично встречал бродячего старца в Бамбуковом зале – специальных покоях для встречи почетных гостей. А если Рюэдзин соглашался отдохнуть с дороги, то в его распоряжение всегда была подготовлена Комната Соснового Ветра. Обидеть невниманием старца даже для императора было непозволительной глупостью. Попробуй потом объясни верноподданым, почему из-за чванливости одного «богоподобного» на всей тысяче островов не уродился рис, а рыба ушла от берегов в пучины великого океана.

Однажды старик Рю появился в императорском дворце ну совсем не вовремя – там как раз проходили празднества по случаю рождения очередного, пятого, сына императора. Конечно, интриги не получится, ибо вы уже наверняка догадались, что мудрец объявился там не просто так, а именно по душу новорожденного, причем в самый разгар торжества. А может и сам император Кюрюява, встречавший его с кислой миной на упитанном лице, натолкнул на эти мысли ироничного и проницательного старца. Гадать не будем, но именно пятого сына императора, которому даже имени еще не выбрали, Рюэдзин возжелал видеть своим учеником.

Старец прямо так и сказал, остановившись посреди Зала Весенней Росы и ткнув пальцем на золотую люльку с младенцем, стоявшую на постаменте:

– Я забираю этого мальчика в свои ученики!

Эти пять слов, местоимение и предлог, произнесенные тихим голосом, прогремели в ушах собравшихся громовыми раскатами. Все будто онемело, а особо впечатлительные словно окаменели. И даже после того как до жены императора Кюрюявы дошло сказанное и она упала в обморок, никто не произнес ни слова и не шелохнулся. Все ожидали, что скажет сам Солнцеподобный.

Император же, застигнутый врасплох заявлением гостя, лихорадочно обдумывал сложившуюся ситуацию. Больше всего ему хотелось отдать приказ вытолкать старика вшаей, но и больше всего Кюрюява боялся, что с его губ слетят слова именно этого приказа. Вдруг старец расправится с императорской охраной с такой же легкостью, как с теми тридцатью тремя разбойниками на горной тропе – одним мизинцем левой руки – если люди не вдали. С другой стороны, даже если и получится выгнать обнаглевшего донельзя Рюэдзина, позарившегося на наследника, кто поручится, что через час по стране не прокатится пара-тройка цунами или того хуже – не проснется священный спящий вулкан Эйдзиму. С третьей стороны, простой народ, да и некоторые сегуны и самураи, искренне считали, что отдать своего сына в ученики Рюэдзину это великая милость небес и тот род (а в его случае династия) будет находиться под прямым покровительством богов, что лишний раз (а в таком деле лишних разов не бывает) докажет его императорскую божественность. Ну и с четвертой же стороны, его пятому сыну вообще ничего не светило в будущем, так как по традициям императорского дома, тянущимся из глубокой древности, только первые четверо сыновей императора могли считаться принцами крови, и при любом раскладе только им полагалось отдельное княжество и другие блага. Начиная же с пятого отпрыска, пускай и законнорожденного, ничего особенного не полагалось, и чтобы не вносить распри между наследниками, пятого и остальных детей императорской династии еще в юном возрасте отдавали в монастыри, где принцы-монахи изучали духовные практики. Так что, как ни крути, а со всех четырех стороны выходило одно – императору было выгодно отдать пятого сына, пускай еще совсем младенца, мудрому Рюэдзину. По крайней мере, даже если из этого угугающего карапуза ничего путного не выйдет, слухи о произошедшем еще больше усилят авторитет императора среди верноподданных.

– Сочту за честь, великий сансей! – выдавил из себя Кюрюява и все присутствующие облегченно выдохнули.

Придворные и приглашенные сановники не меньше императора боялись, что тот отдаст опрометчивый приказ. Но к всеобщему удовольствию все обошлось.

– Благодарю!

Старый Рюэдзин по-дружески похлопал Солнцеподобного по плечу.

– Запомните, я нарекаю его Карюино! – провозгласил присутствующим Рюэдзин и пока не опомнился император, взял люльку с младенцем и был таков. Только лепестки сакуры, опавшие с деревьев подле входа во дворец, взметнулись, потревоженные полами старческой хламиды.

Когда императрица пришла в себя ни старика, ни сыночка во дворце уже не было.

Так Карюино стал учеником сансея Рю.

Мудрец имел на Карюино большие виды, и надеялся, что парень со временем достигнет уровня аватара – воплощения высших сил в смертном существе, способного вести разговор со стихиями практически на равных, а при необходимости прибегать к их помощи. Для этого у него были все предпосылки, а главное мудрый наставник, считал учитель. Рюэдзин долгие годы натаскивал своего воспитанника, как говорится от простейшего (с правильности постановки ног при его первых шагах и правописания семи тысяч иероглифов) к сложному (аналитической геометрии небесных тел и психофилософии высших сил). Однако непреклонные планы выбрали ученику Рюэдзина иную стезю. Карюино только начал знакомиться с древним первоязыком стихий, чтобы в последующем общаться с ними, как в один из дней обучения его

внимание привлек свет необыкновенной звезды. Самым необычным было то, что звезду он увидел в яркий солнечный полдень, когда обычно даже близкая луна не просматривается на небосклоне.

Карюино сказал об этом своему учителю и тот понял, что обучение его воспитанника на этом закончено. Тому следовало отправляться на зов звезды, которая выбрала именно его. Так «аватар»-недоучка отправился в путь.

Сэр Рогбир и Эйсфо томительно ожидали аудиенции около королевских апартаментов, так как в настоящее время Арлинг Великодушный принимал посольство Абувалийского эмирата. Достопочтенный эмир Абувалии, Юсахнаф ибль Фалдури прислал свою «правую руку», верного фезира Белярбека, просить руки дочери короля. Наслышанный о красоте юной принцессы Марэны щедрый эмир не скупился на богатые подарки для своего будущего – хм! – тестя и будущей, как он надеялся, очередной жены, которая должна была засиять еще одним драгоценным камнем в его небольшом по восточным меркам, но самом исключительном гареме.

Дело в том, что эмир Юсанхаф, естественно не от большого ума искренне относил себя, как и многие другие самовлюбленные правители, к посланникам богов на земле и считал, что в его гареме простым смертным наложницам не место. Поэтому места в гареме всемогущего эмира доставались исключительно юным княжнам, царевнам, принцессам, инфантам, дюкессам и тому подобным дамам из сливок самого высшего общества. Конечно, далеко не все правители были в восторге от того, что их кровиночки, их дочери, племянницы или кузины приглянулись эмиру настолько, что от него через послов с богатыми дарами незамедлительно следовало предложение руки и сердца. Однако достоверно зная о грозной бесчисленной армии эмира и не менее страшной армаде кораблей, которые, казалось, только и ждали, когда перст Юсанхафа укажет на оскорбителя, любезные короли, цари и падишахи не могли отказать эмиру. Тем более, что и подарки потенциального «зятя» были весьма и весьма многоценными, и какое-никакое родство с эмиром давало свои плюсы. А тот факт, что еще меньше потенциальных «невест» желало становиться «...надцатой» или «...цать пятой» женой пускай и одного из самых могущественных монархов мира, так это вообще мало кого волновало.

Король Арлинг Великодушный возможно был первым из правителей, который мягко и вежливо, но отказал лощенному фезиру Билярбеку в «руке и сердце» своей прелестной дочери, леди Марэны. Он, буквально еще вчера едва не потерял дочь и после пережитого ужаса отнюдь не был готов так скоро с ней расстаться. Неизвестно как король повел бы себя в другой ситуации, но нынче он готов был поставить под удар все королевство ради своей единственной дочери.

Правда чтобы совсем уж не оскорблять достопочтенного эмира в лице его верного Билярбека, Арлинг, скрепя сердце, принял многочисленные дары из рук настойчивого посланника, и вскользь пообещал на досуге подумать над «заманчивым» предложением его господина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.